Мужчины на моей кушетке

Автор:
Брэнди Энглер

Мужчины на моей кушетке

Брэнди Энглер

Книга, которую должна прочесть каждая женщина, желающая понять, чего на самом деле хотят мужчины, и каждый мужчина, который, безусловно, знает, что хочет, но не прочь выяснить, что об этом думают женщины. Книга, которая поможет вам избавиться от ложных представлений о любви и сексе и построить по-настоящему крепкие, надежные, счастливые отношения. Когда молодой психотерапевт Брэнди Энглер открыла частную практику в Нью-Йорке, ее ждал большой сюрприз. Большинство пациентов составили мужчины.

Дэвид, восходящая звезда Уолл-стрит, не пропускающий ни одной юбки, Чарльз, бизнесмен, конфликтующий с невестой, потому что она «слишком красива для него», Пол, служащий банка, женатый на потрясающе сексуальной женщине и при этом регулярно посещающий «массажные» салоны, и многие другие.

«Мужчины на моей кушетке» – это история путешествия женщины в мир эротических (и не только) мыслей мужчин. То, что доктор Энглер узнала о желаниях и поступках своих пациентов, не только застало ее врасплох, но и бросило вызов ее представлениям о мужчинах и самой себе, помогло избавиться от иллюзий и научиться грамотно строить отношения. Мы видим, как постепенно, от сеанса к сеансу, Брэнди растет как профессионал и человек, способный решать не только чужие (мужские), но и собственные (женские) проблемы.

Брэнди Энглер

Мужчины на моей кушетке

Dr. Brandy Engler with David Rensin

THE MEN ON MY COUCH:

True Stories of Sex, Love and Psychotherapy

© 2012 by Dr. Brandy Dunn and Rensin, Inc.

All rights reserved

© Мельник Э., перевод на русский язык, 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru (http://www.litres.ru/))

Имена пациентов и все личные данные были изменены, а в некоторых случаях скомпонованы с целью защитить права пациентов на конфиденциальность.

Все диалоги и события основаны на имевших место в действительности беседах и переживаниях, хотя некоторые из них были сплетены вместе ради создания уникального в своем роде случая.

Также я изменила имена своих друзей и возлюбленных.

Прием открыт

«Мужчины на моей кушетке» – это история моего путешествия в мир эротических мыслей мужчин. То, что я выяснила о желаниях моих пациентов и их поступках на перекрестке секса и любви, не только застигло меня врасплох, но и бросило вызов моим представлениям о мужчинах и о самой себе.

Женщина может познать истины, касающиеся любви, множеством способов. Одни занимаются медитациями или бродят в одиночестве по лесу. Другие закупают кипу книг по самопомощи, знакомятся в Интернете или тренируются, чтобы бежать марафон. Третьи едут на уик-энд в Вегас.

А мне нужно было просто ходить на работу.

* * *

Несколько лет назад я, будучи новоиспеченным клиническим психологом, приступила к осуществлению своей мечты – открыть частную практику на Манхэттене. Передо мной стояло всего одно маленькое препятствие: пока я не была в этой области ни светилом, ни даже авторитетом.

Любой специалист в моей сфере скажет вам: для того чтобы обзавестись клиентами, требуется время. Некоторые коллеги полагали, что мне стоит избрать неторопливый привычный путь: поработать в существующей групповой практике, втереться в психотерапевтическое сообщество, наладить связи с врачами, психологическими отделениями колледжей и другими профессионалами, которые могли бы направлять ко мне пациентов.

Я рассмотрела их советы и оценила финансовые преимущества работы по найму. Но дело в том, что я только что завершила специальный курс подготовки по секс-терапии под руководством известного специалиста, и мой энтузиазм бил ключом. Мой супервайзер в Бруклинской больнице, где я проходила ординатуру, предостерегал меня от этой идеи. «Секс-терапия? Вы что, шутки со мной

шутите? – вопрошал он. – Да это прошлый век! Сегодня все сидят на виагре. Ни у одного секс-терапевта больше нет клиентов».

Он предлагал мне работу в больнице, но я уже все для себя решила. Я открыла свой кабинет в самом сердце Таймс-сквер. Мне плевать было на виагру!
Я защитила диссертацию о снижении сексуального влечения у женщин и хотела специализироваться на женской сексуальности.

Я была готова к тому, что моя клиентура будет складываться медленно. Женщины охотнее, чем мужчины, прибегают к психотерапии, если страдают от тревожности, депрессии и прочих проблем в том же духе, но помощи в случае снижения либидо они ищут редко, поскольку приходят к трагическому выводу о том, что ослабление страсти – это норма. Так что меня устраивало медленное развитие событий с условием, что я буду заниматься тем, чем хочу заниматься. А поскольку эта проблема распространена повсеместно, я думала, что при должной рекламе моих услуг женщины со временем ко мне потянутся…

Как же я ошибалась!

Звонки посыпались сразу же.

И почти все звонившие были мужчинами.

* * *

Мужчины?! Вот уж не ожидала! И всего через пару месяцев их уже стало больше, чем было мне по силам принять. Они звонили и приходили с жалобами на всевозможные сексуальные проблемы: хроническое распутство, порнозависимость, проститутки, нарушения половой идентичности, ревность, эректильная дисфункция, страх близости, утрата желания, попытки понять смысл любви – и многое другое. Может быть, мужчины и реже прибегают к психотерапии в поисках средства от своих эмоциональных недугов, но когда пенис устраивает забастовку, они бегут за помощью.

И пусть лечение мужчин от половых проблем было не тем видом терапии, которым я намеревалась заняться (хотя моя подготовка, разумеется, включала и его), я подумала, что смогу им помочь, – и подняла брошенную мне перчатку.

Я подозревала, что мне предстоит выслушивать истории, которые могут поколебать мое душевное спокойствие, но мне было свойственно любопытство. Так что я вооружилась решимостью добиться успеха, распахнула двери своего кабинета и начала принимать пациентов, готовая встретить лицом к лицу любые ожидавшие меня приключения.

И они меня не разочаровали.

* * *

«Мужчины на моей кушетке» скрытно проведут тебя, мой читатель, на конфиденциальные терапевтические сеансы, сделав свидетелем впечатляющих и провокационных диалогов, которые выявляют коренные проблемы, лежащие в основе сексуального поведения мужчины. Незримый, ты будешь наблюдать голые эмоции и истинные мотивы, стоящие за недугами половой сферы, помощи от которых искали мои пациенты. И в отличие от большинства других книг о мужском сексуальном поведении в «Мужчинах на моей кушетке» ты сможешь заглянуть даже в мои профессиональные и личные реакции – и те, о которых я говорила пациентам на сеансах, и те, которые остались невысказанными.

Я открыла для себя одну вечную истину: секс редко бывает просто сексом. Секс – это комплексное переживание. Хотя поначалу я думала, что мне предстоит лечить сексуальные симптомы, вскоре весь этот бурлящий котел дал в сухом остатке психологию, которая стояла за поведением моих пациентов.

Я обнаруживала всевозможные смыслы, привязанные к их сексуальным привычкам. Некоторые использовали секс для проработки подавленных эмоций или смягчения эмоций неконтролируемых. Иногда они стремились заново пережить и разрешить прежние травмы, глубоко укоренившиеся в их фантазиях. Многие использовали секс для удовлетворения нереализованных потребностей во власти, одобрении, самоценности, утешении и привязанности.

Обычно мои пациенты слабо представляли себе мотивацию, которая ими двигала. Они инстинктивно стремились к исцелению, но пытались осуществить его на почве секса, и часто результатами становились дисфункция и отчужденность.

Я не собираюсь делать вид, будто знаю о мужчинах все или могу научить женщин, как изменить присутствующих в их жизни мужчин так, чтобы у них сложились замечательные отношения. Кроме того, эта книга не полемический трактат, заявляющий, что мужчины, чьи поступки и воззрения не согласуются с тем, что укладывается в наши социосексуальные нормы, непременно плохи. Однако в своем повествовании я действительно подхожу к мужчинам жестко, часто доводя их до взрыва гнева и слез. И все же я это делаю с глубоким уважением к ним самим и к своему привилегированному положению их исповедницы.

Таким образом, для меня было важно избежать создания уничижительного и неглубокого портрета мужчин как поверхностных и морально ущербных негодяев (ну, сама понимаешь, «кобели, свиньи, неисправимые ублюдки…»), хотя временами я мельком замечала за собой и такие мысли. Я не пытаюсь обосновать или оправдать их поведение – или даже простить им тот вред, который они, возможно, причинили тебе, моя читательница; скорее, я прошу тебя быть свидетельницей этого полного открытий путешествия в мир психосексуальной мотивации мужчин – и того, что мужчины в нем обнаружили для себя.

* * *

Вместо того чтобы рассказывать, о чем мужчины думают или чего хотят, я позволю тебе прочесть то, что они рассказывают мне. Прилагаю к этому свой анализ и личные реакции – реакции не только как психолога, но и как женщины.

«Мужчины на моей кушетке» – это не просто серия полевых исследований, но мой собственный путь развития и открытий, дневник уроков, которые я усвоила в кабинете психотерапии, и рассказ о том, как они повлияли на мои личные романтические отношения.

Открывая практику, я сама переживала непростые отношения «на расстоянии» и, подобно моим клиентам, разрывалась между желанием любить и непониманием, что, в сущности, это значит – любить. Что касается романтики и секса, я долгое время обитала в замечательном, созданном мною самой мире фантазии, где мы с моим возлюбленным могли держаться за руки и вечно бежать вприпрыжку по очарованным солнечным лугам.

Когда я влюбилась в моего бойфренда Рами (это не настоящее имя), «любовь» обзавелась иными качествами. Любовь внезапно сделалась болезненной, изменчивой и непредсказуемой. У нас был жаркий секс. У нас были проблемы с доверием. Мы были из очень разных миров. Началось страстное перетягивание каната, в котором я часто оказывалась проигравшей стороной, в том числе и по собственной вине.

По мере развития этих отношений уроки, которые я усваивала, обретали яркость и смысл благодаря моей работе. В конце концов, многим ли женщинам в их профессиональной жизни приходится исследовать перипетии любви и секса с мужской точки зрения? Многие ли выслушивают откровения о мужчинах от самих мужчин – истины, которые не просто никогда не открывались им с такой силой, но даже представить которые было невозможно?

Поначалу этот информационный «коктейль Молотова» грозил взорваться прямо в моей голове. После некоторых сеансов я ходила оглушенная откровениями, вскоре превращавшимися в вопросы и подозрения, которые я неизбежно примеривала к своим отношениям с Рами.

К счастью, со временем я осознала, что могу заставить свою практику с мужчинами работать на меня – и у меня начало складываться новое понимание любви. Мне пришлось пересмотреть многие представления, имевшиеся у меня – как и у других женщин – относительно мужчин, и обнаружить, что зачастую они были ох как далеки от истины. В том числе и такие: «Если он любит меня, он не станет мне изменять» и «Если я буду стройной (красивой, соблазнительной и т. п.) или стану играть по определенным правилам, он всегда будет хотеть меня».

Например, одна близкая подруга как-то сказала мне: «Не думаю, что мой бойфренд стал бы мне изменять. Кажется, он по-настоящему в меня влюблен. Чего он только ради меня не делает! Он моет мою машину, он готовит мне ужин. У него нет повышенной сексуальной озабоченности или склонности к секс-приключениям. Похоже, он просто счастлив быть со мной».

Ох, остается только надеяться, что она права! Но, как демонстрируют личным примером некоторые мои пациенты – герои этой книги, – влюбленность в женщину отнюдь не гарантирует сексуальной верности. А неверность не обязательно подразумевает, что любовь мужчины неискренна и он не воспринимает ее всерьез.

Вот еще одно из расхожих представлений: мужчинам нужен только секс – ну, может быть, кусок пиццы и банка пива после. А потом они снова хотят секса. Не сосчитать, сколько раз я слышала от подруг жалобы: «Ему нужен только секс!» Да, часто мужчины приходят в мой кабинет, говоря только о сексе. «Мне всегда мало», или «Я не могу заставить его встать», или «Я люблю оральный секс, а она не любит». Но в итоге все они неизменно сводят разговор к любви.

Истина, как я выяснила, состоит в том, что мужчинам действительно нужен секс, но не только секс. Выслушивая своих пациентов, я осознала, насколько прочной основой сексуального поведения является потребность в глубинной связи – потребность, о которой им часто бывает трудно сообщить женщинам, присутствующим в их жизни. Отсюда оставался лишь маленький шажок к тому, чтобы помогать моим пациентам, исследуя содержимое их сердец, вместо того чтобы предавать проклятию то, что наделали их пенисы.

* * *

«Мужчины на моей кушетке» – не клинический отчет. И не книга по самопомощи. В ней нет никаких модных «списков», упражнений или аффирмаций. Она оставляет выбор на твое усмотрение – прочесть изложенные в ней истории, взять из них то, что тебе нужно, определиться с собственными мыслями.

Все мы слишком хорошо знаем, что готовых ответов в области любви не существует. Следовательно, эта книга – исследование. Моя цель – взять читателей с собой в путешествие in vivo[1 - In vivo (лат. «в живом организме») – вживую. – Здесь и далее прим. перев.], как училась и я сама.

Я надеюсь, что эта книга обеспечит новую точку зрения на динамику секса и отношений, альтернативную для читателей, особенно для читательниц. Потому что, когда я разговариваю со своими подругами на эти темы, разговор всегда сворачивает на желание знать, что в действительности хотят мужчины; понимать, почему они ведут себя именно так; и представлять, что мы можем с этим сделать.

Наконец, хотя все мужчины-персонажи этой книги – люди разные, между ними есть нечто общее: они не извращенцы и не девианты, они – обычные парни из самых разных уголков США и из разных социальных слоев, которые могли бы

быть бойфрендами, мужьями, братьями или друзьями любой из нас.

Они – те мужчины, с которыми мы все знакомы, те мужчины, о которых хотят знать женщины.

Дэвид

Дэвид – молодая восходящая звезда на финансовом небосклоне. У него была подруга, профессиональная модель, и квартира в модном районе Манхэттена, Трибеке. Он вел себя с самоуверенной непринужденностью, аристократическим изяществом и шармом молодого человека, происходящего из благовоспитанного общества Новой Англии и рожденного быть джентльменом.

Высокий и поджарый, с крепким телом футболиста, одетый в дорогой костюм, он вошел в мой кабинет с повелительным видом человека, который знает, что хочет, и привык это получать. Его глаза быстро обследовали неярко освещенную комнату и задержались на висящих по стенам картинах с одобрением знатока, прежде чем небрежно сосредоточить на мне оценивающий взор.

– Ого, док! Да вы весьма привлекательны, – проронил он. – Думаю, мне придутся по вкусу беседы с вами.

Я вспыхнула. Мне слегка польстил комплимент красивого мужчины, к тому же одного из моих первых клиентов, но его замечание вогнало меня в краску. За время учебы меня хорошо подготовили к тому, что придется иметь дело с проекциями[2 - Проекция – один из механизмов психологической защиты, при котором человек приписывает кому-то свои собственные мысли, чувства или мотивы, полагая, что он воспринял что-то, приходящее извне, а не изнутри самого себя.] пациентов, и я хотела сосредоточиться на проникновении под его лощеную маску. Первая же его реплика дала мне понять, что ему приходится скрывать некоторый дискомфорт оттого, что он оказался в уязвимом положении пациента, вынужденного беседовать на темы секса не просто с женщиной, но и со своей ровесницей.

Я одарила его теплой, но профессиональной улыбкой.

– Рада, что вы комфортно ощущаете себя в обществе привлекательных женщин, – сказала я, отражая назад его собственное слово, и указала на диван: – Пожалуйста, располагайтесь.

Дэвид утонул в подушках и провел ладонью по гладкой темной коже. Его колени были широко расставлены, руки раскинуты, взгляд изучал мои ноги и тело. Когда он посмотрел мне в лицо, я ответила ему прямым взглядом в упор. Явно намечалась шахматная партия. Дэвид начал с завуалированного наступления, и стоявшая передо мной задача – пробить его защиту – заинтриговала меня.

Несмотря на все провокации, мне Дэвид не показался таким уж притягательным. Взгляд его глаз был каким-то тусклым и вялым и выдавал отсутствие истинной харизмы. Его шарм казался заученным, а словно сошедшее с журнальной обложки лицо производило впечатление почти отталкивающее из-за своей близости к совершенству. Да, прекрасная внешность способна привлечь внимание женщины, но в конечном счете именно ей хочется быть красавицей.

Дэвид устроился поудобнее, и я спросила, о чем он хочет поговорить. Я почти ожидала еще одного «укола флирта». Но он двинулся в ином направлении.

– Не знаю, способен ли я любить, – тихо проговорил он. – Думаю, я вообще не очень хорошо понимаю, что такое любовь. И правда, что такое любовь на самом деле? Вы можете мне помочь?

Вопросы Дэвида показались мне честными и искренними, и смотрел он на меня с надеждой. Я помолчала – ему удалось застигнуть меня врасплох, – и тут до меня дошло, что готового ответа на этот простой, но одновременно трудный вопрос у меня нет. Что такое любовь?

Иногда мне кажется, что пациенты считают психолога хранителем всех тайных выходов из экзистенциальных тупиков жизни: что случается, когда мы умираем; существуют ли на самом деле родственные души; есть ли на свете Бог? Но это не так. Мы изучаем человеческое поведение, используем «метод тыка», слушаем, размышляем и пытаемся подвести своих пациентов к таким выводам, которые помогут лично им. Объяснение смысла жизни – или как в данном случае любви – лучше оставить на долю духовных учителей, биологов и философов, которые с удовольствием предложат свои теории и аксиомы.

Поэтому я решила отреагировать на его вопрос не ответом, а вопросом. Я просто попросила Дэвида подробнее рассказать о том, почему он так заинтересован в том, чтобы открыть для себя любовь.

– У меня совершенно роскошная подруга, – объяснил он. – Она высокая блондинка, модель с идеальной фигурой и твердым как камень брюшным прессом. Но я ей изменяю – сам не знаю почему. И не могу остановиться. Она работает по вечерам, а я иду прошвырнуться по барам с друзьями, и мы с ходу начинаем коллекционировать телефоны.

Будучи молодой женщиной и психотерапевтом-неофитом, я ощутила острую и выводящую из равновесия инстинктивную реакцию, рывком возникшую у меня в животе и поднявшуюся к груди.

Передо мной сидело, прося у меня помощи, живое воплощение худшего из страхов любой женщины: гордый собой донжуан и умелый соблазнитель, ненасытно предающийся распутству с полным безразличием к своим «официальным» отношениям. Я немедленно вскипела негодованием и была вынуждена прятать его за хорошо отрепетированной терапевтической личиной – неосуждающим нейтралитетом.

– Коллекционировать?

– Да. Это непростая игра, – ответил Дэвид, снова обретая свой нахальный шарм. – И у меня репутация лучшего игрока. Сначала я обследую бар в поисках самой сексуальной цыпочки и завожу с ней светский разговор. Стараюсь сделать какой-нибудь особый комплимент относительно ее внешности, сохраняя невозмутимый вид. Я умею быть напористым – и при этом не демонстрировать лишнего энтузиазма. Мне нужно показать, что я по-настоящему заинтересовался ею, поэтому я задаю вопросы о ней, не слишком много распространяясь о себе, лишь иногда вскользь упоминаю свой финансовый статус. Я позволяю ей говорить о себе, прислушиваясь к тому, что ей нужно от мужчины, и делаю вид, что именно это я и могу ей предложить.

Не знаю, что в этих поступках было самым возмутительным – то, что он не в состоянии успокоиться, каким бы воплощенным совершенством ни была его женщина, или то, что мужчины делятся друг с другом тайными знаниями о манипулировании женщинами и используют их как навыки группового спорта.

Дэвид переменил позу на диване, пока я пыталась все это себе представить.

– А потом я выполняю маневр «отними», – продолжал он. – Я отворачиваюсь, словно утратил интерес к собеседнице, или начинаю демонстрировать интерес к другой девушке, но никогда не выбираю для этого одну из ее подруг; это типичная ошибка любителя. Я позволяю ей вновь завоевать мое внимание. Если она этого не делает, я продолжаю разговаривать с ней, но внутренне уже ставлю на ней крест. В любом случае подход – непринужденный, но с искрой интереса. Срабатывает без осечки.

– Угу, и как часто вы этим занимаетесь?

– Обрабатываю по нескольку женщин за вечер – как-то так.

– И цель состоит в том, чтобы?..

– Коллекционировать телефонные номера. Может быть, и что-то еще. Это возбуждает, как выигрыш приза, – пояснил он.

Я сделала себе пометку о том, что нужно будет заняться его склонностью к соперничеству.

– Итак, вы развиваете успех и занимаетесь сексом с этими женщинами?

– Иногда – да. Но не больше одного раза.

Я видела, как он немного подобрался в ожидании порицания. Вместо этого я выбрала ободряющий и даже одобрительный тон, улыбаясь и кивая все время его рассказа, словно на меня не производило ни малейшего впечатления то, что он говорил. Словно его история – точно такая же, как и все прочие, просто еще один обычный день в моем кабинете. Эта тактика часто оказывается полезной, когда нужно заставить пациента рассказать мне всё.

– Ну, и как секс?

– Довольно неплох, – кивнул он, чуть расслабляясь. – Но мне больше всего нравится сам процесс – приходить в бар с друзьями и собирать номера. Меня

больше интересует охота, чем секс.

Рассказ Дэвида показал мне, какая фаза пикапа для него важнее всего. Высшая точка такого взаимодействия у разных мужчин бывает разной. Я полагала, что исследование его любимой фазы пикапа даст ключи к тому, какие импульсы движут Дэвидом.

Например, многие мужчины рады простой возможности полюбоваться женщинами. Другие обожают с ними встречаться. Третьим мужчинам нужен секс, а четвертые добиваются, чтобы женщины в них влюблялись. Для Дэвида самым возбуждающим призом было получение номера телефона. Хоть он порой и спал с этими женщинами, само приглашение «пойти до конца», если он того захочет, было главным призом, в котором он по-настоящему нуждался.

* * *

История Дэвида напомнила мне, как одна из моих подруг жаловалась, что парень, с которым она встречается, никогда не делает ей комплиментов, а временами флиртует с ее подругами. «Не могу понять, действительно он любит меня или нет», – говорила она. А потом однажды нашла в его спальне книжонку под названием «Игра»[3 - Известная книга о соблазнении и пикапе. Автор – Нил Стросс.]. Она пролистала ее, пришла в ужас, потом купила себе экземпляр этого творения и показала его мне.

Книга представляла собой сборник методов соблазнения женщин, составленный предположительно мастером пикапа, и, как выяснилось, существовало даже онлайн-сообщество читателей сего труда, в котором они обменивались «полезными советами».

У нас обеих возникло такое чувство, будто мы раскопали некий мистический – и недобрый – мир мужских махинаций.

Все, чем занимались и парень, с которым встречалась моя подруга, и Дэвид, было взято прямо из этого гнусного пикап-опуса: игнорируй ее, воздерживайся от комплиментов или отпускай комплимент так, чтобы он переставал быть таковым, к примеру: «Мне нравится, что ты красива, но не модельной красотой». В сущности, эта схема учила мужчин, как занять контролирующую позицию во

взаимодействии, стараясь вызвать в женщине неуверенность, и вопросами о том, что? она может ему предложить, поставить ее в положение торговки, продающей себя мужчине.

Рациональной частью своего ума я сознавала, что эти методы могут эффективно работать в краткосрочной перспективе, но при продолжительном контакте они лишь раздразнят эго женщины, и стратегия ударит по самому стратегу. И все же было очень неприятно понимать, что некоторые мужчины подходят к «отношениям» всего лишь как к игре.

Моя подруга отважилась тайком попутешествовать по этому онлайн-сообществу и была настолько оскорблена прочитанным, что решила опубликовать на сайте следующее сообщение: «Эй, придурки, вам тут звонили из «Подземелий драконов»[4 - Настольная ролевая игра в стиле фэнтези.] – они требуют своих игроков обратно!» Мы посмеялись над этой ее выходкой… но рассталась ли она со своим бойфрендом? Нет. К сожалению, эта стратегия действительно укрепляет позиции мужчины.

Дэвид и его единомышленники-манипуляторы вызывали у меня презрение. Однако я не могла выразить его какой-нибудь едкой репликой или развернуться и уйти прочь, как сделала бы, встретив Дэвида в баре. Я – психотерапевт. Мне положено помогать людям. Я знала, что для качественной терапии полагается прибегать к эмпатии… Вот только никакой эмпатии я не ощущала.

Я понимала, что мне необходимо контролировать свой контрперенос – так на психологическом жаргоне называется персональная реакция психотерапевта. Психотерапевт должен сознавать, какие из его личных проблем подвергаются провокации в процессе общения, чтобы не реагировать на проблемы пациента собственными. Иными словами, во время сеанса я должна осознавать, что здесь – мое, а что – пациента, ибо у всех терапевтов есть свои комплексы, которые способен вытащить наружу пациент. Как и любой терапевт, я должна понимать эту разницу и постоянно ее отслеживать.

Оставшееся от сеанса с Дэвидом время я потратила на определение его сексуального статуса – это стандартный оценочный инструмент первого сеанса, который обеспечивает моментальный снимок (или, скорее, мини-фильм) самого недавнего сексуального взаимодействия. Я хотела знать, кто выступил инициатором секса, какого рода прелюдия имела место, какие применялись позиции, какова плотность визуального контакта и какие мысли и эмоции

переживал Дэвид. Я также расспросила его о занятиях мастурбацией и конкретном образном содержании его фантазий.

Я обнаружила, что из сексуального поведения мужчины можно выявить огромное количество информации о его личности и эмоциональных потребностях. Я могу получить представление о его способности любить, самооценке, уровне амбициозности, личной силе и даже о проблемах, берущих начало в его детстве. Секс – это микрокосм «я».

Поначалу мне было немного неловко задавать такие вопросы. Я испытывала некоторое смущение даже тогда, когда меня называли секс-терапевтом. Я избрала для себя изучение сексуальности с аналитической точки зрения, но благодаря моему консервативному воспитанию живописная прямота, необходимая для обсуждения секса, по-прежнему легко вгоняла меня в краску.

К примеру, я обнаружила, что избегаю слова «трахаться», говоря вместо него «заниматься любовью». И не потому, что у меня вызывала чувство дискомфорта собственная сексуальность; дело в том, что я была воспитана в обстановке и этикете американского Юга. Мы просто так разговариваем – вежливыми эвфемизмами. Моя мама всегда напоминала мне, что важно «вести себя как леди» и что я происхожу из рода очень приличных и добродетельных женщин – таких, которые даже посуду моют в длинных платьях и жемчугах.

* * *

Когда Дэвид ушел, я провела предварительную оценку. Мне казалось, что, несмотря на браваду, его реакции были отягощены застенчивостью, страхами и склонностью к соперничеству.

Для меня препятствием к терапии Дэвида было то, что этот стиль личных контактов стал частью его индивидуальности, а когда патология пациента становится важной стороной его личности, ему очень трудно вносить в нее какие-то изменения.

Я оценивала свои шансы усилить в нем способность к инсайту как невысокие, но видела одну возможную лазейку: теперь ему было мало просто распутства – обычного источника гордыни. Он сознавал, что хочет ощущать любовь, – просто

он не вполне понимал, что это такое. Я хотела помочь Дэвиду прийти к этому пониманию, так что мне нужно было взять паузу и поразмыслить о моих собственных отношениях с любовью.

В то время я считала, что очень хорошо знакома с этим понятием. У меня разворачивался непрекращающийся грандиозный роман с любовью. Да, я любила мужчин, но по-настоящему моя верность принадлежала самой любви. С годами я развила в себе способность культивировать эйфорию романтической любви. Этот навык я всячески оттачивала и вполне успешно привлекала к себе мужчин – не благодаря своей внешности или уму, но потому, что они тоже хотят чувствовать себя опьяненными любовью.

Я могла создать ощущение любви в любой момент и практически к любому человеку. А уже оказавшись в этом состоянии, я легко верила, что ни у одного мужчины не может возникнуть в отношении меня недобрых намерений. Ведь я полуосознанно проецировала определенную ауру невинности, которая обычно возбуждала в мужчине инстинкты защитника и кормильца. Наша с Дэвидом встреча один на один была сродни встрече Дон Жуана и Поллианны[5 - Поллианна – героиня одноименной книги (1913 г.) культовой американской писательницы Элеонор Портер. Принцип Поллианны – психологический феномен, при котором человек склонен воспринимать любые сообщения как положительные.].

* * *

Когда мы с Дэвидом встретились снова, я вернулась к его вопросу, так и оставшемуся без ответа.

– Итак, – сказала я, – вас интересует, способны ли вы любить?..

– Думаю, да.

– Вы продолжали размышлять о том, почему вас это интересует?

– Может быть, потому, что я саботирую все отношения, изменяя своим подругам с женщинами, к которым не хочу привязываться; с женщинами, в которых я ни за что не смог бы влюбиться. Это странно?

– А вы считаете, что это странно?

– Странно то, что, пусть я даже равнодушен к ним, я все равно сравниваю их со своей подругой.

– В сексуальном плане?

– Не совсем. Я воображаю, как бы я жил с каждой из них.

Я не ожидала такого ответа, и Дэвид предвосхитил мой следующий вопрос:

– На самом деле я очень хочу остепениться и жениться. Теперь я достиг финансовой стабильности, и все мои друзья женятся, покупают большие дома в Вестчестере и Джерси. Мне просто нужна самая горячая цыпочка и самый большой дом.

В перерыве между сеансами я немного размышляла о состязательной природе Дэвида. Поскольку он сказал, что его не всегда возбуждают женщины, чьи номера он коллекционирует (мужчин вообще не обязательно возбуждают женщины, которых они обхаживают, а порой и совсем наоборот), я подозревала, что эти совместные с друзьями вылазки по барам и коллекционирование телефонов осуществляются не ради самих женщин, а как проявление натуры игрока. Иными словами, волокитство Дэвида имело социальный импульс, если рассматривать его в контексте отношений с другими мужчинами.

Дэвид подтвердил мою интуитивную догадку, когда рассказал мне, что рос в амбициозной, ориентированной на результат семье и у него было несколько братьев – это как раз такая обстановка, которая воспитывает либо склонных к тревожности перфекционистов, либо людей, которые со временем ломаются под давлением, впадая в депрессию.

Дэвид был человеком целеустремленным. В футбольной команде своего колледжа он играл за квотербека. Ныне он управлял успешным хеджевым фондом[6 - Частный инвестиционный фонд, недоступный широкому кругу лиц.], отличаясь в работе той же агрессивностью и стратегическим мышлением. Он работал на Уолл-стрит не покладая рук по 80 часов в неделю. Я знавала людей, занятых в этом бизнесе. Некоторые из них «спускали пар» с помощью кокаина

и проституток. Дэвид не был похож на такой тип, но мне нужно было в этом убедиться.

– Мне не нравится платить за секс, – ответил он. – Мне просто нравится добиваться женщин-недотрог.

Но когда они отвечали на проявленный им интерес, Дэвиду не хватало эмпатии – или социального интеллекта, – чтобы осознать, что? может чувствовать его «дичь»: возбуждение от встречи с красивым, обеспеченным мужчиной; заманчивость хороших перспектив, возможно – удачного брака; надежда на то, что он всерьез заинтересовался ею; и, возможно, некоторая тревога, вызванная обостренным осознанием неравного соотношения мужчин и женщин в большом городе. Я хотела помочь Дэвиду проникнуть в мир возможных чувств женщин, которые были объектом его охоты. Я придвинула свое кресло поближе и наклонилась к нему, чтобы акцентировать связь между нами.

– А что, если женщина, с которой вы разговариваете, симулирует искренний интерес к вам? – предположила я.

Дэвид ухмыльнулся, явно настроенный скептически. Я продолжила:

– Что, если она видит в вас только гигантский значок доллара и мечтает о том, чтобы, манипулируя вами, заставить вас оплачивать ее покупки и путешествия? Что, если все ваше взаимодействие в баре – это притворство, в котором вы оба играете свои роли?

Дэвид молча обдумывал мои предположения, а я наблюдала, как ответ начинает медленно проявляться в выражении его лица.

Неуверенность.

Он никогда не задумывался над тем, что женщина, демонстрирующая интерес, может вовсе не хотеть его. Ему необходимо было быть желанным, и, если он ощущал это желание со стороны женщины, оно просто не могло быть подделкой. Его эго рассчитывало на это.

– Для вас важно, чтобы женщина действительно вас желала, – проговорила я, мягко объясняя то, что он сейчас осознал, но о чем прежде не задумывался.

Язык тела Дэвида начал меняться, когда тревога и стыд поднялись из глубин его существа. Он закрыл одной рукой грудь, подняв ладонь к подбородку, нахмурил брови, одна ступня выбивала по полу отрывистую дробь. Я наблюдала, как его эго постепенно «сдувается». Ценность ежевечерних эскапад, прежде имевших для него огромное значение, внезапно оказалась поражена сомнением.
Я проделала брешь в его эго, и на какое-то мгновение в мою душу закралась надежда, что теперь мы сможем заняться настоящей терапией.

Я уселась поудобнее в кресле и ненадолго отвела взгляд, чтобы ослабить напряжение. Когда я снова посмотрела на Дэвида, тень поражения пробежала по его лицу. Шах и мат! Однако чувства торжества у меня не было.

Атмосфера в комнате потяжелела от новой энергии – эмоций, его и моих.
Я ощутила теплую волну сострадания, поднимающуюся во мне. Довольно долго никто из нас не произносил ни слова. Тогда я в первый раз ощутила эмпатию к Дэвиду.

– Что в эту минуту происходит внутри вас? – мягко спросила я, чувствуя и себя несколько уязвимой.

– Ничего, – отрезал он. – Мне нужно идти. У меня встреча через полчаса.

Дэвид резко вскочил с места. Атмосфера стала ощутимо холоднее. Я понимала, что мне следует попытаться удержать его, но все это случилось слишком быстро, и я почувствовала обиду.

Я совершила ошибку. Меня учили, что, когда клиент изъявляет желание уйти до конца сеанса, это классический признак того, что он от чего-то бежит и что крайне важно заняться этой проблемой в тот же момент. Я не была уверена, что он вернется.

* * *

К счастью, Дэвид все же вернулся на следующей неделе. Но он пришел на двадцать минут позже назначенного времени и не стал объясняться – еще один классический признак сопротивления. Я была рада, что он объявился, но его опоздание вполне могло означать, что он хотел сократить продолжительность сеанса, чтобы не дать увидеть себя на более глубоком уровне.

Кроме того, прежнее нахальство Дэвида вылезло на поверхность в полную силу. Садясь на диван, он заметил:

– Вы сегодня отлично выглядите, док. Знаете, вы ведь действительно очень сексуальны. Если бы я увидел вас вне стен этого кабинета, я бы попытался вас разговорить.

На этот раз я не была ни польщена, ни оскорблена. Возврат Дэвида к сексуализированному поведению был вполне прозрачен. Он эротизировал свою тревожность и отступил в безопасную зону. В этом не было ничего необычного: Дэвид явно чувствовал себя уязвимым, и это объясняло его реверсию[7 - Реверсия – психологическая защита, выражающаяся в проигрывании жизненного сценария с переменой в нем мест субъекта и объекта.]. Теперь мы с ним снова вернулись на исходные позиции.

Я не хотела, чтобы он меня сексуализировал. Единственное, что мне всегда было нужно от клиентов, – это уважение. И одобрение. Я хотела, чтобы мои интерпретации и методы воспринимали как хитроумные и проницательные, мудрые и полезные. На самом деле я ощущала приток уверенности всякий раз, как пациент говорил: «Именно так все и есть!» или «Моя жизнь изменилась к лучшему!»

И все же я понимала, что некоторые аспекты моей внешности можно воспринять как соблазнительные: юбки по фигуре, высокие каблуки, перекрещивание ног, внимательный взгляд или мягкий «психотерапевтический» голос. Однажды во время учебы в аспирантуре мой супервайзер завел меня в кабинет и посоветовал не носить ботфорты с юбками на работу, поскольку я могу отвлекать пациентов мужского пола (может быть, он имел в виду, что я отвлекаю его?).

Возможно, что на подсознательном уровне меня радовало такое внимание, ведь я не последовала этому совету. Моя одежда была совершенно рациональной. Я была одета точно так же, как и все прочие молодые женщины-профессионалы

на Манхэттене, которых я видела на улицах каждый день. Я не хотела носить бесформенные платья или квадратные деловые костюмы. Я не старалась выглядеть провокационно – просто следовала моде.

Моя внешность не считалась сексуализированной, пока я не входила в кабинет со своими клиентами. Поэтому я решила, что, если мужчины на моей кушетке реагируют на мою физическую подачу – допустим, что мой супервайзер был прав, – значит, это открывает передо мной определенные возможности. Их сексуальные и эмоциональные проблемы будут всплывать на поверхность, и тогда мы станем разбирать их по горячим следам. Иными словами, я использовала эти реакции как инструмент, чтобы помочь клиентам понять их способ отношения к женщинам.

Поведение пациента во время сеанса обычно является зеркальным отражением того, как он в целом ведет себя в социальных взаимодействиях. Когда пациент проецирует свои привычные шаблоны отношений на терапевта, это называется переносом. Терапевт же отражает их обратно пациенту, чтобы помочь ему.

Хотя возникновение сексуального тока между терапевтом и пациентом по ряду причин, от вполне невинных до биохимических, – явление не такое уж необычное, внимание Дэвида к моему телу и его снисходительная лесть предполагали, что эротический перенос был для него поведенческим шаблоном. И дело было вовсе не в моих сапогах.

Я часто становлюсь символом женщины в жизни моих пациентов – или, точнее, символом тех воззрений, которые сложились у них относительно женщин. Они могут проецировать на меня свои проблемы с женщиной любимой, равнодушной, отвергающей, женщиной-«кормилицей», требовательной матерью, соблазнительницей. Некоторые меня идеализировали, другие хотели бы обесценить. Их реакции на меня обнаруживали самые потаенные желания и самые темные мотивы, пока они подбирали мне роль в своей персональной драме.

Я бдительно отслеживала, кем они меня считали или кем им было нужно, чтобы я была. Кто я – репрезентация женщины, которая его отвергла? Женщины, которую он не может заполучить? Стану ли я для него идеалом? В случае Дэвида – видит ли он во мне один из своих многочисленных потенциальных трофеев?

Как правило, эротическим переносом я стараюсь заняться немедленно, но в тот момент я решила пропустить его заигрывания мимо ушей и разобраться с тем, что лежало на самой поверхности его поведения.

– Я тревожилась после нашего прошлого сеанса, – проговорила я. – Вы ушли так внезапно.

– Угу. У меня была встреча.

Вместо того чтобы подвергнуть сомнению его поспешное объяснение, я осталась на персональном уровне:

– Наш прошлый разговор оставил у меня ощущение дискомфорта.

– У меня тоже, – проговорил Дэвид невыразительным голосом.

– Вы можете сказать конкретнее, что вызвало у вас дискомфорт?

– Я просто никогда не думал, что все это может быть иллюзией.

– А что было для вас самым трудным в этом осознании?

Дэвид проигнорировал мой вопрос.

– Полагаю, меня просто возбуждает, когда девушки меня хотят, – сказал он.
Я поддержала его раздражительность, вместо того чтобы критиковать ее.

– Значит, для вас очень важно, чтобы девушки вас хотели.

– Да, думаю, так.

– Как вы считаете, что это говорит о вас?

– Черт, да откуда мне знать?! Думаю, это означает, что я лучше отношусь к себе, когда соблазняю женщин.

– И поэтому вы ведете себя со мной как соблазнитель?

– Я нахожу вас привлекательной, что в этом дурного?

Теперь была моя очередь пропустить его вопрос.

– Каково это для вас – вести со мной такие разговоры? – Я сохраняла мягкий тон, но удерживала его взгляд.

– Временами – неловко. Но я способен с этим справиться.

– Похоже, что так. Вы вошли. Вы сказали мне, что я сексуальна. Это ваш обычный шаблон в обращении с женщинами. Вы уверены в себе и соблазнительны – и все же… – Я подпустила в выражение лица обеспокоенности. – И все же вы труднодоступны. Мне, например, трудно по-настоящему поддерживать контакт с вами. Интересно, происходит ли то же самое в ваших отношениях.

Я задела больной нерв.

– Верно, – тихо проговорил Дэвид. – Моя подруга, Никки, жалуется, что я не раскрываюсь.

– Как вы считаете, что она имеет в виду?

– Не знаю. Что я не способен любить, по крайней мере так, как она себе представляет любовь. Разве не поэтому я пришел сюда?

– Расскажите мне побольше о Никки.

– Думаю, она могла бы быть моей единственной.

– Что заставляет вас так думать?

– Я знаю, что она любит меня, и думаю, что она будет верна мне. И она очень сексуальная. Вот потому-то я и не могу понять, зачем я продолжаю путаться с другими женщинами.

Что такое было в этом мужчине, из-за чего он должен был постоянно «бегать налево»? Люди, которые так озабочены подобными вопросами – насколько сексуальны они сами, насколько сексуальны их возлюбленные, на какой машине они ездят, какого размера у них дом, – кажутся мне слабыми и инфантильными. Ну вот, я снова сползала на позиции осуждения – и не могла удержаться! Да, подобное верхоглядство казалось мне искусственным и ребяческим.

Я представляла себе, как Дэвид и его приятели шатаются по барам – праздные компании бывших студентов в брюках цвета хаки, скучные, банальные, прозаические. Но хуже всего было высокомерие и та самая простота, что хуже воровства, – вульгарность выражений вроде «у нее была великолепная грудь и пресс, твердый как камень». Дэвид не прославлял физическую красоту своей подруги в этом заявлении; в том, как он произнес слово «грудь», не было никакого намека на уважение или одобрение.

Моя реакция на его речь обусловлена не моралью или моей южной чопорностью, но лишь ее дегуманизирующим эффектом. Однако я чувствовала, что негодование могло навести меня на некоторые полезные ответы для Дэвида.

Хотя Дэвид описал мне Никки, наш разговор о ней не затронул особых глубин. Я хотела больше узнать о том, как они вместе проводят время, об их контакте – а не только о ее верности и сексуальности.

– Мы тусуемся с друзьями, – стал рассказывать он. – Ходим по барам или остаемся дома и смотрим кино. Еще много занимаемся сексом. Она великолепна в постели.

– Да? А что вам больше всего нравится в сексе с Никки?

– Она его по-настоящему любит.

– А именно?

– Она раскованна, ей тоже нравится им заниматься.

Эта реплика, как я начинала понимать, была наиболее популярным у мужчин описанием качеств, делающих женщину хорошей любовницей.

– Она готова делать все, что угодно, – промурлыкал он с соблазнительной ухмылкой и многозначительно посмотрел мне в глаза долгим взглядом.

Дэвид снова флиртовал со мной. Его тон так и приглашал меня спросить, что? означает это «все, что угодно». Я не стала потакать ему, но он все равно рассказал:

– Она кричит, она извивается, она испытывает множественный оргазм.

– Это замечательно, – сказала я.

– И я вижу, что она делает это не только для того, чтобы я был доволен, – добавил он чуть агрессивно. Наверное, мои прежние предположения о том, что Дэвиду стоит представить себе женщину, играющую нечестно, задели в нем какую-то струнку. – Я довольно хорош в этом деле. Благодаря ей я доволен собой и знаю, что она меня хочет. Вы хотите узнать что-то еще?

В общем-то, нет. Чего я хотела – так это с садистским удовольствием проткнуть пузырь его напыщенности. На самом деле мне хотелось расколотить его, точно пиньяту[8 - Мексиканская народная игра, разбивание пустотелой фигурки (пиньяты), наполненной сладостями.]. Но я понимала, что это не лучший способ выстраивания терапевтических отношений с любым пациентом, и особенно с таким, у которого есть нарциссические наклонности.

У Дэвида отсутствовала способность видеть в женщине истинную ценность, и именно это меня оскорбляло. Такая склонность к дегуманизации есть корень всего сексуального зла. Я хотела бороться против нее, но делать это надо было не дубинкой, а помощью Дэвиду. Я намеревалась использовать свои отношения с ним для создания у него иного эмоционального ощущения от женщины.

Чтобы заставить Дэвида раскрыться более искренним чувствам, я должна была настроиться на его нарциссизм. Попытки напролом пробиться через самодовольные защитные барьеры нарцисса лишь усиливают его чванство. Вместо этого я должна была отразить обратно Дэвиду те качества, которыми он так любовался в себе, показать ему, что я понимаю, почему он так фантастически хорош. С помощью такого трюка можно заставить нарцисса уважать тебя.

Это было нелегко, потому что я была вынуждена признать в отношении Дэвида ту истину, которой предпочитала не видеть. Он бросил вызов моему фантазийному представлению о мужчинах – что они точно так же одержимы ухаживанием в викторианском стиле, как и я. Он взял да и прихлопнул мой романтический мыльный пузырь своими мужицкими словами, которые, подобно варварам-завоевателям, свели мои высокие идеалы к вульгарностям и анатомическим деталям. Он видел в женщинах добычу. Наверное, если бы он мог набивать чучела из женщин, которых приводил домой из походов по барам, и водружать их на стены, он бы так и делал.

* * *

Одобрительная реплика Дэвида в адрес сексуальности Никки вообще не имела к ней никакого отношения. Это его утверждение относилось к нему самому. Физические данные Никки олицетворяли некую часть его представления о себе. Ее «извивания, вопли и оргазмы» давали ему знать, что это он был хорошим любовником, что это он доставил ей удовольствие и, следовательно, что это он был желанным.

Хорошее отношение к себе – это прекрасно, но, похоже, Никки в это уравнение никак не вписывалась. Она была просто сексуально стимулированной и разражающейся одобрительными возгласами аудиторией в пьесе о Дэвиде. То была работа эго (с моей точки зрения – великого разъединителя) во всей его красе.

И в этом заключается шаткий баланс между «я» и «другим» во всех человеческих взаимоотношениях. Представьте себе непрерывную шкалу, на одном конце которой вы воспринимаете своего романтического партнера как объект для обслуживания всех ваших потребностей – что-то вроде отношений между матерью и младенцем. На другом ее конце вы способны признавать своего возлюбленного как настоящую личность с собственными потребностями, и в идеале между вами существует равновесие отношений «брать и давать».

Мне казалось, что Дэвид проводил все свое время на «объектном» конце шкалы, сосредоточившись на том, чтобы обеспечить себе определенную репутацию и поддерживать ее постоянно.

Он ощущал ликование и печаль, чувствовал себя достойным или бесполезным – но это всегда было реакцией на его потребность в подкреплении и в том, что он считал любовью. Для него сам акт даяния был уделом женщин, единомышленников матери Терезы и дураков.

Я замечала, что многие люди втайне поддерживают такие убеждения. Однако, выраженные прямо, они звучат возмутительно. Я попыталась представить, как бы это выглядело в форме контракта, который стороны подписывают в начале отношений. Примерно так:

«Я хочу, чтобы ты делала то, что я хочу, тогда, когда я хочу. Я хочу, чтобы ты всегда была тем, что я хочу. В сущности, ты – мое продолжение. Я хочу, чтобы ты давала мне именно то, что мне нужно, когда мне это нужно. Я не должен просить об этом или рассказывать тебе, как это делать. Я хочу, чтобы ты дарила мне безусловную любовь. Гарантированно. Неукоснительно. Я хочу, чтобы ты была моим спасителем, моим Иисусом, моей мамочкой (или папочкой). А если ты не будешь этого делать, я разозлюсь! Возможно, я даже брошу тебя или буду тебе изменять, потому что мои потребности должны удовлетворяться всегда.

P.S. Я не желаю слышать о твоих потребностях».

А теперь вообразите, как вы на первом свидании выкладываете это перед потенциальным партнером!

Отношение к людям как к объектам лежит в основе нарциссизма – феномена настолько вредоносного для отношений, что мне следует сделать небольшую паузу, чтобы исследовать его подробнее.

Хотя ярлык «нарциссизм» то и дело навешивают на мужчин, как заслуживающих его, так и не заслуживающих (даже я использую его ради удобства), мне не нравится, что этот термин применяют только к отдельным людям, как будто эта тенденция свойственна лишь немногим патологическим личностям среди нас. Нарциссизм – это состояние ума, искаженный вид мировоззрения, особый тип миопии, из-за которого мир обрабатывается в калейдоскопе персональных ожиданий, убеждений и стремлений, ни одно из которых не основано на объективной реальности.

При самой извращенной и наиболее вредоносной форме нарциссизма подверженные ему люди словно носят шоры, которые блокируют их способность видеть других иначе как в контексте самих себя и того, что они хотят. Это опасно, потому что, не умея видеть людей, мы начинаем превращать их в объекты.

Все мы делаем это в какой-то степени, и в современных взаимоотношениях нарциссизм стал чем-то вроде эпидемии. Это противоположность любви к себе, это значит, быть пойманным в ловушку внутри собственного «я».

Дэвид не только не был способен видеть других – ему нужно было еще и быть лучше их. Нарциссизм такого рода – это чувство «я», выстроенное вокруг потребности быть особенным или превосходить других. Все окружающие рассматриваются в контексте иерархии. Они либо ниже тебя, либо выше, и в мозгу идет постоянный вычислительный процесс сравнения. Главенствуют императивы: я должен быть богаче, или красивее, или лучше других в том, чем занимаюсь.

Даже если такой нарцисс добивается больших успехов в реальной жизни, он пребывает в мире иллюзий, поскольку стремление к принятию, которое лежит в основе его усилий, никогда не удовлетворяется (какая ирония!); если он добивается этого воображаемого превосходства, то в действительности отделяет себя от других.

Все мы в отношениях грешим некоторой долей нарциссизма, даже я в своих собственных романтических любовных фантазиях: я тоже объективировала мужчин, только они были для меня не сексуальными объектами, а объектами моей любви.

Отчасти проблема Дэвида заключалась в том, что, когда эго человека раздувается так легко (это нередко бывает у успешных мужчин вроде него), удовольствие от его «подкармливания» может стать настолько сильным подкреплением, что останавливаться просто не хочется. Я сознавала, что Дэвид даже не в состоянии оценить то, что у него имеются вполне удовлетворительные отношения с Никки. Мне необходимо было заставить его выяснить, почему у него есть потребность ежевечерне отправляться на охоту за женщинами.

Нарциссизм Дэвида был его мощной и безопасной крепостью. Мне надо было проникнуть внутрь ее стен. На этот раз – гораздо более мягко.

* * *

– Я надеюсь, что вы понимаете: я задаю непростые вопросы для того, чтобы помочь вам исследовать себя, – сказала я в начале нашей следующей встречи. Мы продолжали разговор о Никки.

– Я к этому не привык, – отозвался Дэвид, ссутулившись. – Я чувствую себя беззащитным, и мне это очень не нравится. Я предпочел бы сохранять контроль.

– Вы говорите, что любите Никки, но как на самом деле эта любовь ощущается в вашем теле, когда вы вместе?

– Не знаю, – вздохнул он. – Она где-то здесь. – Дэвид обвел ладонью пустое пространство перед своей головой.

Для Дэвида любовь была абстрактной концепцией без всякого внутреннего компонента. Любовь была развоплощенной. Я уже сталкивалась с этим прежде, и эта мысль тревожила меня: почему людям так трудно ощущать любовь?

– Возможно ли, что ваша потребность контролировать отношения и избегать уязвимости блокирует вашу способность ощущать любовь? – предположила я.

– Что вы имеете в виду? Я же люблю свою подругу!

– Тогда вы знаете, что такое любовь.

– Ну, я…

Дэвид мог чувствовать порывы привязанности к Никки, но на самом деле он не ощущал теплого, довольного благополучия любви. Наоборот, все чувства, которые он мог идентифицировать, были голодом по этому неуловимому состоянию.

– Я слышу, что она любит вас. Но на самом деле ваше описание звучит так, будто вы нуждаетесь не в том, чтобы быть любимым, а в том, чтобы чувствовать себя желанным. Вы хотите, чтобы вас хотели снова и снова. Вы никак не можете насытиться тем, что женщина вас желает. Но кого желаете вы?

Ответа у Дэвида не было. Я усилила давление:

– Чтобы желать кого-то, необходимо отдавать что-то от себя, позволять себе тоже чувствовать любовь к кому-то. Я не вижу, чтобы вы шли на такой риск, – пока. Только когда вы сможете терпимо отнестись к этому риску, вы обретете истинную силу.

Молчание.

– За чем вы на самом деле охотитесь? За любовью или за подтверждением своей репутации? Чтобы любить кого-то, нужна… смелость.

– Вы меня бесите! – заявил Дэвид, нахмурившись и обхватывая себя руками.

– Хорошо! И что же именно вас бесит?

– Я, черт возьми, чувствую себя пристыженным, мелким и… жалким.

– Отлично! – воскликнула я. – Наконец-то вы позволяете мне рассмотреть вас. Спасибо!

– Да на здоровье!

– Хорошо. Теперь мы можем немного поработать…

* * *

Когда мы в следующий раз встретились с Дэвидом, он вошел в кабинет в необычно подавленном состоянии. Его характерные повадки «крутого парня» сменились паникой. Никакого флирта или жеманной светской беседы.

– Думаю, моя подруга мне изменяет! – выпалил он. – Но она это отрицает.

– Что привело вас к такому выводу?

– Я заглянул в ее сотовый и нашел СМС от другого мужчины, он писал, что едет к ней. Сообщение было послано в три часа ночи. Она утверждает, что это просто ее друг, а сообщение он послал ей по ошибке. Я был вне себя. Уехал домой и начал листать свою телефонную книжку.

Ах, телефонную книжку! Любимое одеяльце Дэвида! Символ его состоятельности. Ключ к тому, что не дает ему раскрыться.

– Я позвонил той сексуальной брюнетке, с которой познакомился на днях в «Будда-баре», и она пригласила меня к себе. – Его голос упал до шепота, в котором отчетливо сквозило отвращение. – Но когда я попытался заняться с ней сексом, то не смог добиться этой долбаной эрекции!

Я сочувственно нахмурила брови.

– Я все это время думал о Никки, – продолжал он. – Я не мог сосредоточиться. Даже когда эта цыпочка взяла его в рот, я не смог сохранить твердость.

Отвращение Дэвида к себе дошло до кризисной точки – и для него это была хорошая возможность роста. Он пытался избавиться от своей боли, спрятавшись от нее в сексуальном приключении, – и просто не сумел сбежать. Теперь его защита была сломлена. Он чувствовал себя отвергнутым. Он чувствовал себя неудачником. Он был похож на мальчишку, который плачет из-за того, что его не взяли в спортивную команду.

– Вы так злитесь на себя из-за того, что у вас не встал, – и это при том, что у вас был такой серьезный повод для расстройства?

– Да! – Он пожевал нижнюю губу, потом взорвался гневом: – Долбаные суки!

– Вы злитесь. А еще похоже, что вы обижены и считаете, что женщинам нельзя доверять.

– Все они изменщицы, – холодно объявил он.

– Однако вы нуждаетесь в женщинах, вам нужно, чтобы вас любили, – с жаром сказала я.

– Да, – согласился Дэвид, его лицо омрачило мимолетное выражение обиды.

– Но вы боитесь им доверять, – продолжала я, ища взглядом то, что пряталось за сдержанностью, которую выдавали его сжатые челюсти.

– Вот потому-то у меня есть одна основная и много других про запас, – сказал он, возвращаясь к испытанному шаблону.

– И это помогает вам чувствовать себя в безопасности?

– Да. Да! Я просто ненавижу быть один. Это хуже всего. Я этого не выношу. Мне становится так скучно! И я начинаю звонить всем, кого я знаю, ища любую девушку, с которой можно встретиться.

– Значит, вас пугает не только отсутствие отношений, но и одиночество в своей квартире – пусть даже только на одну ночь – для вас уже чересчур.

– Такое ощущение, что мне неуютно в моей собственной шкуре.

– Можете описать, что вы при этом чувствуете?

– Не знаю, – сказал он с усилием.

Дэвид настолько утратил контакт с собой, что не осознавал своих собственных внутренних ощущений. Но я не собиралась позволить ему соскочить с крючка. Это было важно – суметь идентифицировать то, что являлось для него столь мощным стимулом.

– Попробуйте рассказать мне, как это ощущается в вашем теле.

– Не знаю, – повторил он.

Я ждала. Я могла бы облегчить его дискомфорт, подсказав верные слова, но нужно было дать ему вычислить их самостоятельно. И под конец мое молчание вынудило его отвечать.

– Полагаю, это… пустота… вот здесь, – сказал Дэвид, указывая на грудь. – И беспокойная энергия. Это такой темный момент… я словно не существую. Я впадаю в панику. Я должен позвонить женщине. Это упорное чувство. И для меня оно нестерпимо.

Наконец-то прорыв честности после нескольких месяцев терапии! Мы добрались до той боли, которая была стимулом его поведения.

– Похоже, это глубинный дискомфорт.

– Да, вот потому-то я иду в бар или начинаю названивать женщинам.

– Значит, вы справляетесь со своим страхом одиночества, а в данном случае – со страхом, что вам изменяют, заставляя женщин выражать свое желание к вам.

– Но я не хочу вступать в отношения с этими женщинами.

– Именно. Вы избегаете более глубокого контакта. Эти женщины для вас словно зеркало, отражающее вашу ценность. Без них вас не существует.

– Но иногда это бывает приятно.

– Я знаю, что это приятно и доставляет вам удовольствие, – подтвердила я. – Вы ищете женщину, чтобы она помогла вам хорошо относиться к себе. Но потом вы разочаровываетесь и фиксируетесь на том, как ненадежны женщины. Вы предоставляете женщине определять, достойны вы любви или нет. Чего здесь не хватает?

– Того, что я сам этого не чувствую.

– Вы отдаете в руки другого человека большую власть. Вы хотите подтверждения тому, что вас можно любить, но, даже когда получаете его, вам всегда мало. Мне кажется, что в результате всего этого вы, пытаясь обрести

власть, в действительности ее утрачиваете.

– Я никогда не думал об этом с такой стороны.

– Что от вас требуется, чтобы поверить, что это правда?

Я наклонилась вперед, чтобы сократить дистанцию между нами.

– Мне нужно полюбить себя? – проговорил он, едва удерживаясь от смеха: весь наш разговор свелся к психотерапевтическому клише.

– Да. Для вас это возможность уйти от своего шаблона. Если вы можете отыскать любовь внутри, не нужно будет охотиться за ней вовне.

– Ладно, док! Ладно, я вам верю.

Дэвид был высокого мнения о себе, но уже понял, что я с легкостью могу заставить его «сдуться». Он должен был перестать строить свою самоценность, основываясь исключительно на внешнем подкреплении, которое получал от своей карьеры, внешности, финансового положения, похвал, которые расточали ему родственники и любовницы. Все это – вещи ненадежные. Красота поблекнет, финансовый успех непостоянен, а женщины могут подвести. Нет никаких констант. Чтобы чувствовать себя достойным, Дэвиду необходимо было научиться обеспечивать подтверждение своей ценности самостоятельно. Ему нужно было научиться принимать и ценить себя, а также запустить процесс самоисследования.

– А с чего нужно начинать? – спросил он.

– Вам нужно освободиться от того, что думают о вас все остальные, – ответила я. – Вам нужно чтить то, что действительно мотивирует вас, даже если вы не знаете, что это такое в настоящий момент. Вполне может быть, что это именно то, что вы сейчас делаете. Но вы должны быть готовы начать все заново – без женщин – и выяснить это.

Хотя нарциссизм Дэвида имел чрезвычайно пагубные последствия, в действительности это была попытка самопринятия. Он искал более

безопасную, менее уязвимую альтернативу настоящей любви, а я толкала его прямо в объятия настоящих страхов, чтобы он больше не мог избегать их. Я считала, что, если он сможет разобраться с этими страхами вместе со мной, это поможет ему подготовиться к настоящей любви.

* * *

После работы я шагала сквозь душный летний вечер по улице, вдоль которой выстроились рестораны и кафе, к своему самому любимому месту для размышлений – старому дивану на крыше нашего дома, где я частенько сиживала и вглядывалась в свою воображаемую гостиную – в Манхэттен.

Это очень расслабляло – наблюдать городскую сутолоку с высоты нескольких этажей, которые всегда обеспечивали мне удаленную перспективу – удаленную как от хаоса большого города, так и от моих собственных эмоций; так что я могла хорошенько поразмыслить о Дэвиде. Наконец-то меня посетило чувство умиротворенности в связи с нашей работой! Больше не было никакой необходимости лупить Дэвида, как пиньяту: я чувствовала, что он по-настоящему открылся навстречу переменам.

Дэвид достиг важного этапа. Прежде он считал, что пикап помогает ему лучше к себе относиться, но теперь он наконец осознал, что ему становилось только хуже. Но любовь к себе – задача нелегкая, в особенности перед лицом мощного подкрепления, которое Дэвид получал от своих карьерных успехов, одобрения сверстников и родителей, наличия подруги-модели и способности соблазнять других красивых женщин, чтобы снова и снова демонстрировать себе свою ценность.

Это стремление самоутверждаться на фоне остальных было мощным компульсивным побуждением, отчуждавшим Дэвида от того человека, каким он на самом деле мог быть. Оно маскировало пустоту, которую он ощущал, оставаясь в одиночестве.

* * *

В течение следующих нескольких месяцев Дэвид шел через медленный процесс самоисследования. Дэвид рискнул выйти за пределы своей зоны комфорта. Он

стал общаться с компанией, в которую его ввели его друзья с художественными наклонностями. Он рассказал мне, что сидит там на вечеринках, наблюдая за толпой, и поражается: как эти «бедные и непривлекательные люди» могут казаться такими счастливыми и полными жизни?

Я постаралась не показать отвращения, которое вызвали у меня эти его эмоции, поскольку в заданном им вопросе заключалось важное для него осознание: дело в том, что они жили искренней жизнью и его воодушевляла та витальность, которой сам он никогда не ощущал.

Я помнила его тусклый взгляд, когда впервые его увидела, безжизненность, прячущуюся за бравадой. Наконец-то она исчезла! Дэвид начал выходить за пределы иллюзий и узких рамок своего эго. Он смог по-настоящему задуматься о том, что хочет он сам.

Я заставляла его постоянно задаваться этими вопросами: что хочет мое эго, что хочу я? Со временем Дэвид принял несколько важных решений. Он решил, что не готов жениться или покупать дом в Вестчестере. Он остался работать на Уолл-стрит, но расстался с Никки и переехал в Бруклин.

Он проводил свое свободное время, беря уроки игры на гитаре, вместо того чтобы коллекционировать телефоны по барам. Он читал книги и ходил по музеям. На сеансах мы с ним разговаривали обо всех его новых открытиях, одновременно банальных и глубоких.

Я проработала с Дэвидом больше года, наблюдая его медленную, но удовлетворительную трансформацию.

И мои собственные реакции на Дэвида тоже прогрессировали, перейдя от страха и инстинктивного отвращения к глубокому сочувствию к его очень человеческим трудностям.

* * *

На мужчин, подобных Дэвиду, которые волочатся за женщинами, обычно скоропалительно навешивают уничижительные ярлыки – «козел» или «ничтожество»; их легко осуждать и ненавидеть. Но их поведение мотивировано

все той же глубинной эмоциональной потребностью в любви, доверии и принятии, которая движет нами всеми, очень часто толкая на совершенно нелогичные и дисфункциональные поступки.

В этом отношении все мы – немножко Дэвиды.

Мне не дано знать, обретет ли Дэвид когда-нибудь любовь, зато я уверена, что он начал длящееся всю жизнь путешествие, главная цель которого – научиться любить себя.

Как ни иронично, на всем протяжении наших сеансов мы почти ничего не сделали, чтобы дать настоящее определение любви. На самом деле мы делали гораздо больше, определяя, чем любовь не является. С чего-то же нужно начинать. Но я знаю, что Дэвид теперь отлично справляется с подготовкой себя к тому, чтобы стать «способным любить», как он сам выразился на первом нашем сеансе.

Однако для меня самой это исследование в области любви отнюдь не закончилось.

Рами

Я познакомилась с Рами, когда работала над своей докторской диссертацией во Флориде. В то время я по нескольку вечеров в неделю обслуживала столики в ливанском ресторане. Рами был его постоянным посетителем и другом владельца, но для меня он представлял собою всего лишь еще одно расплывчатое лицо из тех, мимо которых я пробегала, принимая заказы и разнося блюда.

В вечер нашего знакомства Рами сидел с шумной компанией приятелей за большим столом в моей части зала. Позже я узнала, что они сели туда намеренно. Я была очень занята и не ощущала его взгляда, снуя между столиками и угощаясь «кусочками» и «глоточками» от постоянных клиентов. Рами и его друзья курили кальян и по очереди выходили плясать с исполнительницей танца живота. Я видела, как после ужина они увлеченно

разыгрывали классическую ближневосточную мелодраму: спорили, кому достанется честь оплатить счет.

Когда я в очередной раз проходила мимо этого бедлама, Рами поймал меня за руку и попросил номер телефона. Вот так вот в лоб! Никакой тебе светской беседы или маленькой лести; он просто сразу взял быка за рога – тактика, казалось, списанная с репертуара неумелого, но мнящего себя неотразимым дамского угодника. И все же его тон был неожиданно дружелюбным, даже искренним, а глаза были настолько полны жизни, что его просьба прозвучала скорее естественно, чем оскорбительно.

Хотелось бы мне сказать, что это был один из моментов, когда замирает сердце, – но нет, он таким не был. Рами просто застал меня врасплох, когда мысли мои неслись вскачь: «Одиннадцатому столику нужна «дозаправка», куриная шаурма в кухне, наверное, уже готова, третий столик просит счет…» Я даже ни разу не разговаривала с этим мужчиной – а он уже хочет получить мой номер? Странно!

Однако большой стол означает большие чаевые, а компания еще не расплатилась, поэтому я ответила ему своей заранее заготовленной репликой для назойливых посетителей, которых предпочитала не ставить в неловкое положение перед их друзьями:

– Конечно! Просто звоните мне сюда, в ресторан! – пропела я и с улыбкой упорхнула прочь.

Рами объявился на следующее утро, когда я помогала накрывать столы к обеду.

– Позвольте мне просто как-нибудь пригласить вас позавтракать. – Его непринужденный вид намекал, что глупо противиться столь безобидному приглашению.

Может быть, все дело было в завораживающей улыбке Рами, – но я согласилась.

– Хорошо. Тогда я заберу вас завтра утром в одиннадцать, – сказал он и отошел поболтать с другими официантками, которые явно наслаждались его вниманием.

Я же, напротив, чувствовала себя так, будто меня уговорили купить товар, который мне был даром не нужен. Как это произошло? Это было совершенно не в моем стиле – сдаваться так быстро. Более того, мужчины типа Рами никогда не вызывали у меня интереса. Он был по крайней мере лет на десять старше меня, а то и больше.

Наблюдая, как он беседует с моими коллегами, я улучила минутку, чтобы изучить этого мужчину, который поначалу показался мне просто доброжелательным занудой.

Высокий, с резкими средиземноморскими чертами и пристальными черными глазами, Рами был обладателем сильного подбородка, оливковой кожи и темных волнистых волос с искорками седины. Он выглядел экзотично, искушенно и слегка провокационно.

Я тут же вообразила, что он пьет дорогой скотч и курит сигары… и вынуждена была признать, что он сексуален – на манер звезд старого классического кино, как Кларк Гейбл или Омар Шариф.

Следующим утром за завтраком Рами поведал мне историю своей жизни. Рассказал, что рос в лагере беженцев на Западном берегу реки Иордан, на палестинских территориях, а теперь у него собственный бизнес в сфере недвижимости по всему американскому Югу. Он эмигрировал в Штаты, когда ему едва исполнилось двадцать, и ныне, в возрасте сорока лет, почти отошел от дел. Он проводил бо?льшую часть времени в путешествиях и имел в собственности дома в Марокко и Испании.

– Я уезжаю туда по несколько раз в год, – объяснил он. – У некоторых моих друзей там тоже есть дома, и мы проводим вместе отпуск.

Я никогда не встречала людей, подобных Рами. Мой предыдущий бойфренд был представителем контркультурной богемы, ездил на старом автобусе «Фольксваген» и разгуливал босиком. Он был милым, удивительным, ласковым человеком. Мы провели вместе шесть лет, пока я не ушла от него сама, потому что он стал мне скорее братом, чем любовником.

У меня было намного больше амбиций и планов, и я была готова встречаться с другим типом мужчины – с кем-то таким, кто будет бросать мне вызов,

стимулировать меня. Рами привнес в мою жизнь вкус нового возбуждения, и я очертя голову кинулась в наши быстро развивавшиеся и страстные отношения.

Рами мог предложить мне нечто еще более соблазнительное, чем деньги или красивую внешность, а именно – приключения. Думаю, это особенно привлекало меня, потому что я происхожу из консервативной среды. Моя семья по-прежнему живет в маленьком красивом южном городке, где я выросла.

Теперь, став взрослой, я способна понять красоту этого простого бытия. Но когда я была подростком, образ жизни моих родителей казался мне ужасно ограниченным. Мне не давала покоя жажда странствий. Может быть, в том повинна коллекция энциклопедий мира, которые папа подарил мне в детстве, со всеми их картинками, изображавшими Амазонку и Дальний Восток: даже когда я стала взрослой, мое влечение к экзотике так и не потускнело.

* * *

Мы с Рами были людьми из разных миров, исповедовали разные религии и следовали разным культурным традициям. Мне нравились наши различия, несмотря на то что я их не вполне понимала. На самом деле я, вероятно, даже фетишизировала эти различия, не осознавая, что некоторая доля сходства – качество, составляющее необходимый фундамент для любых отношений.

Когда я влюбилась в Рами, некоторые из моих подруг обеспокоились моим расцветающим интересом к арабской культуре, видя в ней сплошь «террористов и тюрбаны». Но я чувствовала себя так, будто ступила сквозь магический портал на древний путь шелковых караванов.

Рами водил меня танцевать под арабскую музыку, мы курили яблочный кальян, пили пряные чаи и путешествовали по Ближнему Востоку. Наша любовь буквально цвела на фоне опьяняющих декораций из пухлых подушек и богатых тканей, которыми были задрапированы низкие кушетки, просто созданные для того, чтобы лениво лежать на них, поедая финики, в ожидании момента, когда можно будет заняться любовью.

Наш период ухаживания был сущим пиршеством для чувств, пропитанным вездесущими ароматами кумина, мускатного ореха и душистого перца,

и нежным ритмом кочевничьих барабанов, и песнями гортанных голосов, и томительным и неотвязным воздушным пением флейт.

Я была ослеплена этим миром и тем, как он меня развивал. Моя мама тревожилась. Она предсказывала, что до меня со временем дойдет: мы с Рами – не пара. Мы «по-разному запряжены», говорила она.

Я же ни о чем не беспокоилась, учитывая, что ни один из нас не был истово религиозен, – если не считать одного примечательного исключения.

Однажды летом мы решили сплавиться в каноэ по реке во Флориде. Внезапно разразилась послеполуденная буря с грозой и застигла нас на середине водного потока. Мы только и успевали пригибаться, когда молнии били со всех сторон. Мы начали изо всех сил грести, чтобы убраться прочь с реки, – и тут я стала взывать к Иисусу, а он – к Аллаху. Когда мы добрались до берега, я спросила Рами:

– Почему ты называешь себя мусульманином? Ты не посещаешь мечеть, ты не блюдешь пост в Рамадан… Да, на ужины ты ходишь, но ведь ты и целый день ешь! А в детстве ты учился в католической школе.

– Я родился мусульманином, – ответил он.

– Но ты же не родился религиозным, – настаивала я.

– Да, но я родился в религиозной культуре, – парировал он.

Я заметила, что Рами практиковал наиболее красивые постулаты ислама. Он оценивал себя в соответствии со своим гостеприимством и щедростью по отношению к другим – в особенности к беднякам. Он тратил значительную часть своего времени, трудясь волонтером в бесплатной столовой для бездомных, а если на него находило вдохновение, то превращал в такую столовую и собственный дом.

Как-то раз он собрал команду домашних слуг и садовников, которые работали в его домах, закатил им пир на весь мир и сам сервировал стол в своей столовой. Они были потрясены.

Я очень ценила его умение получать искреннее удовольствие от дарения подарков другим, и неважно, что было тому причиной – его религия или личность; я предпочитала сосредоточиться на этой добродетели, нежели на каких-то там различиях.

В общем, я следовала своему обычному шаблону – идеализировала любовь и обрядила ее в эффектное платьице, не желая обращать внимание ни на какие несовершенства под этой глянцевой поверхностью. Я не хотела, чтобы что-то неприглядное помешало моим грезам. Может быть, различия между нами и существовали, но мне казалось, что они не имеют значения…

…До того момента, пока он через четыре месяца после начала нашего романа не пригласил меня в поездку в Марокко, куда собирался со своими друзьями.

В тускло освещенном и битком набитом марракешском ресторане звуки «живых» барабанов и звякающих цимбал наполняли воздух, а мимо проплывали, соблазнительно покачивая бедрами, исполнительницы танца живота. Рами привел меня в заведение, где он и его друзья, американские бизнесмены арабского происхождения – у некоторых были дома в этих местах, – частенько устраивали вечеринки. Мы уселись за стол, собираясь знатно попировать кускусом, – и, к моему удивлению, к нам присоединился целый цветник девушек, самой младшей из которых было не больше тринадцати, а самой старшей – семнадцати лет.

Я мгновенно почувствовала себя не в своей тарелке – и это еще слабо сказано. Это что же – секс-туризм в действии?! Я не могла не понимать, что каждый из мужчин выберет себе на вечер одну из девушек.

Я принялась изучать их. Они выглядели юными – и при этом преждевременно состарившимися. Одна была похожа на оборванного уличного ребенка, голодного и настороженного, глаза ее так и стреляли по сторонам. Она скорчилась над своей порцией в какой-то первобытной позе, загребая кускус ладошками и периодически оглядываясь через плечо.

Рядом с ней сидела спокойная девушка с хорошими манерами. Но слишком прямая спина и сжатые кулаки выдавали ее неуверенность. Еще одна девочка-подросток, чья одежда была жалкой попыткой подражать западной моде, была довольно кокетлива и отличалась бы замечательной красотой, если бы не явные

признаки недокормленности.

Неужели мои спутники не понимали, что они эксплуатируют юных девушек, оказавшихся в отчаянном положении? Неужели им было наплевать на физический и эмоциональный вред, который они наносят этим подросткам?

* * *

По дороге в дамскую комнату я принялась расспрашивать «кокетку». Картина оказалась неприглядной. Эти девочки не были жертвами работорговли, ими торговали не организованные преступники и даже не местная сводня. Их посылали на панель родители, и они на самом деле мечтали выйти замуж за какого-нибудь французского туриста или стать второй женой бизнесмена из Саудовской Аравии, чтобы обеспечивать деньгами всех своих родственников.

А пока они довольствовались едой, небольшой суммой денег или парой шальвар. Девушка объяснила мне на запинающемся английском, что при столь ограниченных возможностях устроиться на работу и отсутствии законов против сексуального домогательства, которые могли бы защитить женщин в рабочей обстановке, они всегда рискуют быть соблазненными своими же коллегами-мужчинами.

У этих девушек не было никакого выбора, никакой защиты и никакого права голоса. Я ощущала в них всепоглощающее чувство покорности и безнадежности, несмотря на очаровательные и непринужденные маски. Я понимала, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, но все равно верила, что все мы одинаково нуждаемся в том, чтобы сделать свою реальность хотя бы сносной.

Я представляла, как этим девушкам приходилось глушить свои истинные чувства, как им было отказано в основных человеческих потребностях, таких как потребности в доверии, безопасности и любви. Мне казалось, что это не просто старый как мир обмен секса на деньги, но что обмен этот происходил за счет чувства человеческого достоинства этих молоденьких девушек.

Я не могла больше это терпеть и пулей вылетела в зал. Рами подошел ко мне.

– Я собираюсь позвонить в американское посольство, и я возвращаюсь домой! – рявкнула я. Говорила я достаточно громко. Его друзья все слышали и уставились на меня так, словно я была неизлечимо наивной простушкой. И тем не менее принялись громоздить одно оправдание на другое. «Да мы ведь помогаем этим девушкам и их семьям!» – сказал один. Другой стал обличать их как ловких мошенниц, старающихся обманом заманить мужчин в супружеское ярмо.

Рами отчаянно пытался уверить меня, что он никогда не принимал участия в беззаконных эскападах своих друзей. Ему потребовалось немало увещеваний, чтобы я успокоилась. Однако с того момента я уже не могла больше отрицать, что у нас с Рами очень разные взгляды на любовь и отношения.

* * *

Когда я познакомилась с Рами, он жил один. Проводил бо?льшую часть своего времени с этой самой компанией, устраивая вечеринки, путешествуя. Это было своего рода братство мужчин средних лет. На самом деле Рами и его друзья были вольнодумцами, ведущими эпикурейский образ жизни, полный роскоши и гедонизма, свободный от каких бы то ни было сдерживающих факторов. Он и был их верой.

Некоторым друзьям Рами нравилось провоцировать меня на философские дебаты. Дебаты о великой любви и безнравственности – вот как я предпочитаю их называть. «В чем смысл романтической любви?» или «Зачем мне нужно проводить всю свою жизнь с одной женщиной?» – спрашивали они меня, словно пытаясь понять совершенно нелепый способ мировоззрения.

Они на самом деле не верили в любовь, они видели в ней в лучшем случае иллюзию, а в худшем – тюремное заключение. Для этих мужчин единственной истиной было физическое наслаждение. Женщины составляли часть сокровищ жизни, точно такую же, как хорошая еда или тонкие вина.

Поначалу я гадала, не связано ли их отношение к любви с родной культурой, в которой брак порой становится деловым соглашением. Я заметила, что они не ждут от отношений ни романтики, ни даже дружбы. Я также знала из их историй, что все они дружат с самого детства и в отрочестве участвовали в ненасильственных политических акциях, протестуя против того, что их лишили крова. Но все их попытки изменить мир лишь неоднократно приводили их

в тюрьму, и они эмигрировали в Америку, чтобы найти себя в бизнесе.

Все они отказались от своей прошлой жизни, в которой были высокие идеалы, принципы, жажда справедливости и прочее, и сменили точку зрения: наивно думать, что можно изменить мир, так что надо просто наслаждаться жизнью. И теперь они жили этой жизнью, похожей на сон, хотя мне казалось, что они опустошены и подавлены. Это меня по-настоящему поражало. Имея столько денег и свободу, они вовсе не лучились энергией и радостью, как мы с Рами в то время. В результате Рами оказался между этими двумя философиями как меж двух огней.

* * *

Думаю, наш светлый энтузиазм по поводу друг друга без слов выиграл этот спор, и в результате друзья Рами стали относиться ко мне как к сопернице – так они выражали свое неодобрение тем фактом, что их самый общительный неженатый друг брал меня с собой на каждый ужин, на каждую вечеринку, в каждую поездку.

Я была для этих мужчин настоящей помехой. Они разговаривали между собой только по-арабски, намеренно выключая меня из беседы.

Я решила их перехитрить. Отправилась в книжный магазин Barnes & Noble и нашла словарь арабского языка (как потом выяснилось, египетского диалекта). Я изучала его тайно, чтобы в тот момент, когда Рами и его друзья перейдут на другой язык, все-таки улавливать какие-то крупицы смысла.

На первый взгляд эта задача кажется непосильной, но у меня настоящий талант к запоминанию. Я повсюду таскала с собой этот словарь и читала его при малейшей возможности – в метро, в очереди в кофейне, пока чистила зубы и т. д. Кроме того, я старалась говорить по-арабски, когда только было возможно – например, с египтянином, который торговал халяльными продуктами с уличной тележки на углу неподалеку от моего дома, или называя адрес водителям такси родом с Ближнего Востока.

Однажды днем, когда мы сидели в кофейне с Рами и его друзьями, я заговорила. Не помню, что именно я сказала, зато помню их реакцию: шок и удивление, за

которыми последовал хохот: «Она говорит по-арабски! Да еще и на египетском диалекте!»

Я и не представляла, что в арабском есть разные диалекты. Однако мне удалось завоевать их уважение – пусть и через силу, – и они начали порой разговаривать со мной по-арабски. Рами решил выучить меня своему диалекту, и мы с ним проводили многие часы, нежась в постели в разной степени раздетости и играя в игры со словами.

Этот язык казался мне просто созданным для соблазнения – серии гортанных звуков, исходящих из глубины горла, эмоциональность, некая близость душе. Арабский как-то не располагал к сдержанности, в результате чего я чувствовала себя и смелее, и беззащитнее, пытаясь выразить свою мысль. Его модуляции грубы, откровенны и негармоничны, с флексиями, которые лишь прибавляют страсти и яркости любому выражению. Этот язык особенно эротичен в исполнении мужского низкого, хрипловатого голоса.

А еще в нем был один уникальный звук, выделявшийся среди прочих большей мягкостью, тот, который я так любила слышать слетающим с уст Рами, – что-то вроде придыхательного, удлиненного «х». Подобный звук человек издает, будучи раздражен или захлестнут наслаждением.

В арабском даже самые обычные выражения обретают изысканную поэтичность и духовность. Влюбленные обращаются друг к другу словами вроде «ро’хи» с тем самым придыхательным «х», что означает «душа моя», или «назиби», что значит «судьба моя». Но моими любимыми словами были «хабиби» – «любовь моя» и «йа-лаа» – «пойдем». Пару лет я с удовольствием обращалась ко всем подряд словом «хабиби».

* * *

Временами меня тревожило влияние друзей на Рами, но, к их вящему неудовольствию, Рами оставался верен мне, и, похоже, ему нравилось бравировать нашей неразлучностью в их присутствии.

И вскоре однажды ночью, думая, что я сплю, он нежно погладил мои волосы и прошептал: «Анаб’хибек» – «Я тебя люблю».

И я любила его. Я смотрела ему в глаза и говорила: «Давай будем любить друг друга до самозабвения. Давай не будем ничего друг от друга таить, давай прочувствуем эту любовь так глубоко, как сможем». Эти слова были для меня важны. Я полагала, что «взрослая» любовь слишком часто укрывается множеством защитных слоев, и хотела пойти на риск полной открытости, игнорируя порожденную страхом потребность в безопасности, полностью переживать наши чувства.

* * *

Когда мы с Рами сошлись, мои коллеги по ресторану, признавая за ним определенный шарм, потихоньку сплетничали о его раскованном образе жизни, а однажды вечером – и о его семейном статусе. Это на мгновение смутило меня, но никто ничего не знал наверняка. Рами сказал мне, что разведен, и у меня не было причин ему не верить. Окончательно успокоило меня то, что Рами всегда был доступен, и мы регулярно ночевали в его доме, который выглядел как очень обжитая, но типично холостяцкая «берлога».

Но Рами также был неотразимо общителен, очарователен и ненасытен во флирте. Я все чаще и чаще начинала замечать то, о чем говорили мои друзья.

Однажды вечером мы были на официальном ужине, я была разодета как игрушка и чувствовала себя очень привлекательной. А потом к нам подошла ошеломительно красивая молодая женщина, его знакомая. Рами взволновался, вскочил с места, поцеловал ее в щеку и спросил: «Могу я прислать на твой столик бутылку вина?» Он так и увивался вокруг нее, потом снова уселся. Спустя двадцать минут мимо проходила другая его знакомая, и он проделал все то же самое. Я ощутила укол ревности.

Позже у него дома я дала волю неудержимому желанию попрекнуть его:

– Ты флиртуешь с другими женщинами!

– Я просто веду себя по-дружески. Это ничего не значит.

– Похоже, у тебя полно знакомых женщин. Откуда ты всех их знаешь?

Он пожал плечами – мол, что я могу сказать! Меня понесло дальше:

– Знаешь, мои коллеги в ресторане постоянно о тебе судачат.

– Они мне просто друзья.

– Я все время слышу о тебе разные вещи…

Он заглотнул наживку:

– Какие вещи?

– Ну… кто-то говорил мне, что ты женат.

Рами затряс головой.

– Ничего подобного! Я разведен. Я же тебе говорил.

Я смотрела ему прямо в глаза.

– Это… исламский развод, – проговорил он.

Какой-какой развод?!

– А это что еще значит?

– Исламский развод… традиционный… не официальный. Но это то же самое! – торопливо добавил он.

– Так, значит, ты не разведен!

Рами мрачно насупился.

– Я не раз хотел тебе сказать, но все время казалось, что момент неподходящий. Вот как это было: наш брак был стратегическим. Не договорным, но практичным

для обеих сторон. Ты должна понять… В нашей культуре брак не всегда заключается по любви. Мы расстались шесть лет назад, и она живет в другом штате.

Из меня словно выпустили весь воздух. Я не могла поверить, что он дождался момента, пока я влюблюсь в него, чтобы сказать мне правду! Я хотела, чтобы он вернул все назад, сказал что-то, хоть что-нибудь, чтобы все вдруг стало хорошо.

– Почему ты никогда мне об этом не говорил?

– Я хотел, но боялся, что ты не поймешь.

– Я и помыслить не могла, что свяжусь с женатым мужчиной!

– Вот видишь! Я хотел сперва дать нам шанс.

– Думаю, ты только что не оставил от этого шанса камня на камне!

* * *

Рами силился объясниться, говоря, что они с женой согласились расстаться, но не разводиться – по финансовым причинам. В результате он мог спать со случайными женщинами, но ни с кем подолгу не встречался, поскольку не хотел ввязываться в серьезные отношения, а потом получить от женщины требование развестись. Если он понимал, что между ним и женщиной возникает эмоциональная связь, он с ней расставался.

– Но ты – другое дело, – уверял он. – Мне кажется, я впервые влюбился по-настоящему.

Я должна была уйти. Я уехала домой, а на следующий день порвала с ним. Очень скоро я уже направлялась в Нью-Йорк, одна, чтобы начать занятия в интернатуре.

* * *

Я хотела жить на Манхэттене, но в одиночку это было мне не по средствам. Мне нужна была соседка по квартире. Меня познакомили с молодой женщиной по имени Софи, которая в то же время, что и я, переезжала в Нью-Йорк, и тоже одна. Мы полетели туда вместе, чтобы присмотреть себе жилье. Агент поводил нас по съемным квартирам, но мы не смогли найти ничего подходящего. Вернулись домой разочарованные, а я еще и нервничала, поскольку у меня вот-вот должна была начаться практика в интернатуре.

Я зашла на сайт Craigslist и нашла объявление о сдаче одной комнаты в квартире с пятью спальнями в доме возле железной дороги за 800 долларов в месяц. Фотографий на сайте не было, но я была в достаточно отчаянном положении, чтобы согласиться не глядя.

Я позвонила Софи и предложила: «Давай просто возьмем эту комнату и будем жить в ней вместе». Переслала субарендодателю по почте деньги, и он сообщил, что я могу вселяться.

Я заявилась туда одна и увидела кирпичное многоквартирное здание на углу Тридцатой улицы и Пятой авеню. На каждом этаже была только одна квартира. Я поднялась наверх, на пятый этаж, постучала в дверь, и мне открыл мужчина. На нем был костюм не по росту, он имел буйную неухоженную шевелюру и, как мне показалось, выглядел несколько подозрительно. Заговорив по-английски с акцентом, он представился как Нестор.

– Привет. Ты живешь здесь, – проговорил он и повел меня через узкую гостиную мимо старого засаленного дивана и маленького телевизора, потом по захламленному темному коридору в мою «комнату». Она была совершенно пуста. Даже шкафа не было.

– Иногда я тоже ночую здесь… на диване, – добавил он, явно надеясь, что я не сочту это проблемой. Нестор показал мне свои три костюма, которые он держал в крохотном хозяйственном шкафчике, а также кухоньку и дверь, ведущую на пожарную лестницу.

Софи объявилась неделей позже.

– Что это, черт возьми, за дыра?! – завопила она.

В квартире жили, включая меня и Софи, десять человек, как мужчины, так и женщины, и несколько мышей, и еще Нестор иногда ночевал на диване в гостиной. Эти меблированные комнаты явно были прежде большой квартирой, в которой Нестор поставил дешевые перегородки, разделив ее на комнатенки без окон и без кондиционеров. Там было грязно и слишком много народу. На всех – одна ванная с душевой кабинкой размером с телефонную будку. Внутри невозможно было даже переодеться – такая она была маленькая.

Поскольку в нашей комнате не было шкафа, мы с Софи прибили по периметру рейки, развесили свою одежду и спали под ней на полу, подложив подушки. Кровать мы не могли себе позволить; мои «лишние» деньги ушли на одежду и развлечения.

Наши обувь и сумки были раскиданы повсюду. Это было все равно что спать на полу в гардеробе гигантского подиума. Зато у нас было большое окно, и мы, бывало, лежали по ночам перед ним и разговаривали в отблеске городских огней – разумеется, никаких занавесок не было, – а перед нами высился Эмпайр-стейт-билдинг.

Порой сексуальный молодой бразилец, который жил в другой комнате, приходил поваляться с нами на подушках, посмеяться и поболтать обо всем на свете. Все мы, как я быстро выяснила, были здесь случайными людьми, которые приехали в Нью-Йорк со всех концов света ради учебы и работы, надеясь добиться успеха.

Иногда друзья, наезжавшие в гости из Флориды, спрашивали, как я могу жить в таких условиях в самом сердце Манхэттена на 12 тысяч долларов в год – такую стипендию я получала в интернатуре. Я просто отвечала, что этот город – моя гостиная. Я воображала себя современной Холли Голайтли[9 - Героиня Одри Хэпберн из культового голливудского фильма «Завтрак у Тиффани».]. И на самом деле была вполне счастлива.

* * *

Спустя полгода позвонил Рами. Он хотел, чтобы мы снова были вместе. Объяснял, что они с женой живут в разных штатах без всякой вероятности воссоединения. Их связывали только документы. Оба они имели свою долю в его бизнесе и договорились, что менять это положение было бы неразумно с финансовой точки зрения. Все, что касается «неофициального развода», было

решено полюбовно, и его жена с этим согласилась.

Рами мне солгал. Однако я продолжала любить его и готова была рисковать ради той штуки, которую зовут любовью. Недаром я с таким жаром заявляла о своей вере в нее во время яростных споров с его друзьями.

Мы помирились и начали отношения на расстоянии, снова блаженно погрузившись в любовь. Он пытался загладить свою вину, балуя меня.

Например, однажды вечером я пришла домой и обнаружила там Рами, очаровывавшего всех моих подруг разом. Он прилетел в Нью-Йорк, чтобы сделать мне сюрприз. Приволок кучу продуктов, чтобы заполнить наш холодильник. «Это все для вас всех», – заявил он, а потом приготовил нам первоклассный ужин. За столом смешил моих подруг. После ужина исчез в ванной комнате, где я и нашла его стоящим на карачках, отмывающим поддон душевой кабинки. Позже я обнаружила, что он вручную перестирал мое белье! И сложил то, что нужно было нести в прачечную. Я не шучу! Он вел себя так все время. Такого мужчину я больше никогда не найду, думала я.

Рами быстро завоевал сердца моих подруг, потому что ничего из себя не строил. Он умел быть любящим, заботливым, оберегающим. Как-то раз они наперебой принялись жаловаться: одна растолстела, другой не нравились ее волосы, – а потом начали фантазировать, какого рода пластические операции они бы себе сделали. Рами сидел молча, впитывая каждое слово. А потом сказал: «Знаете, мне все равно, как выглядит Брэнди. Я просто люблю ее. Если бы она прибавила 50 килограммов или лишилась руки, я бы все равно полетел за ней даже на Луну».

* * *

Я обещала Рами, что через год снова вернусь во Флориду. А пока мы продвигались вперед – пусть и непоследовательно. Наши отношения напоминали театр: мы часто жили в состоянии высокой драмы (или драматической приподнятости) – и даже это нас развлекало.

Я говорила ему: «А помнишь, как я тогда в Марокко выскочила из машины бог знает где и ты меня бросил?» Или взять тот раз, когда он в ресторане

набросился на меня с упреками, потому что ему показалось, будто я улыбаюсь другому мужчине… Меня часто тревожили мысли о том, чем занимается Рами со своими старыми добрыми друзьями-вольнодумцами, когда мы не вместе. И все же мы с Рами старались видеться каждые вторые выходные. Он летал на север, или я – на юг. Но между нашими свиданиями я терялась в тревожных мыслях. Моя лучшая подруга, устав от всех моих историй о Рами, лишь качала головой и говорила: «Одного из вас когда-нибудь непременно удар хватит».

В то время я не понимала этого отчетливо, но все мои размышления возвращались назад, к сокрушающему душу открытию о том, что он не сказал мне правды о своем семейном положении. Это откровение пустило наши отношения под откос – и я стала слишком мнительной. Замуж я не спешила, так что мне хотелось попробовать просто ужиться с этим, но зерно разлада было уже посеяно. Вероятно, тот момент задал тон всему, что за ним последовало.

Я гадала, подходим ли мы вообще друг другу. Гадала, встречается ли он с другими женщинами. Анализировала наши хорошие и плохие эпизоды и мучительно размышляла, которые из них ближе к истине. Исписывала десятки страниц в дневниках. Искала объяснения – а потом опровергала – сосущей пустоте в животе, возникавшей всякий раз, как мои эмоции совершали очередной безумный вираж.

После того как началась моя собственная практика, особенно в самом ее начале, я иногда на мгновение теряла сосредоточенность, выслушивая проблемы своих пациентов, потому что истины о мужчинах из уст мужчин заставляли меня думать о Рами и о вещах, которые расстроили бы любую женщину.

Даже за пределами рабочего кабинета мой разум был постоянно занят. Я начала составлять списки – положительные качества против отрицательных качеств. Я искала историю, которую могла бы рассказать себе об этих отношениях, чтобы мои эмоциональные реакции были по крайней мере последовательны. Сегодня я была убеждена, что Рами, обычный бабник, а завтра – что он дружелюбный и общительный мужчина. Он казался мне то патологическим лжецом, то просто мужчиной, пытавшимся произвести на меня впечатление, удержать при себе или защитить. Или я убеждала себя, что его ложь не так уж непростительна, что на самом-то деле она льстит мне и делает Рами еще более неотразимым.

И с той же легкостью я составляла списки в отношении самой себя. Может быть, я просто фокусируюсь на негативе и игнорирую позитив? Может быть, я сама

создаю себе головную боль? Он – замечательный. Я – сумасшедшая. Пора захлопнуть дневник. Спокойной ночи!

Я хотела найти один простой вопрос и задать его себе, чтобы он покончил с моей внутренней битвой. Можно назвать его главным вопросом, который определил бы, что мне следует делать – остаться или уйти. Как-то я прочла в газете колонку об отношениях под заголовком: «Прибавляет он тебе жизненной силы – или отнимает ее?» Прямо в точку! Моя искра, моя душа то и дело вспыхивала, потом угасала.

Мама задавала вопросы: «Тебе нравится его общество? Если ты собираешься провести всю жизнь с одним человеком, важно, чтобы тебе по-настоящему нравилось находиться в его обществе».

Подруга интересовалась: «Он собирается позаботиться о тебе в смысле финансов?»

Я спрашивала саму себя: «Любовь это или фантазия? Дело в любви или в моем эго? Почему я на самом деле с ним?»

Алекс

– Я познакомилась с этим русским в тихом полуподвальном баре в Челси. Мы сидели в уголке возле камина, погрузившись в беседу о написанной мною статье о свободе слова в Украине. Он назвался дипломатом, но мне думается, что он с тем же успехом мог быть и секретным агентом…

Это была моя первая встреча с Сашей, подругой Алекса, ставшего моим пациентом двумя месяцами ранее. Она не так давно приехала из Чешской Республики, работала писателем-фрилансером; девушка с высокими скулами и миндалевидными глазами, которые она подводила темным карандашом, рисуя стрелки, акцентируя экзотичность своей внешности. Саша украшала свой былинный сказ цветистыми подробностями.

– Пристальный взгляд его темных глаз затягивал меня, – продолжала она с мягким акцентом, но без всяких пауз или скованности. – Он словно пытался… не знаю… отыскать меня саму за моими словами, пока я его расспрашивала. Я не могла поверить, что на самом деле сижу рядом с ним, и гадала, понимает ли он, что я вся дрожу, жажду его… Должно быть, он понимал, потому что вдруг начал медленно обводить пальцем мои губы и положил конец вопросам, нежно коснувшись моего языка… Мы ушли из бара и отправились в его номер в отеле Soho Grande. Я была… я хотела… чтобы он взял меня силой. Немедленно! Однако он заставил меня ждать. Его голос был мягким, неторопливым и уверенным, он велел мне сесть на кровать и расстегнуть блузку. Я так и сделала, а он наблюдал за мной через комнату, одобрительно кивая, пока обнажалась моя грудь. Я продолжала раздеваться, и он называл восхитительным каждый изгиб моего тела. Наконец он подошел ближе и, когда я приподняла юбку, оголяя бедра, стянул мои трусики до колен. Прижался губами к моему уху и прошептал: «Хорошая девочка!» Я услышала, как расстегнулась пряжка на его ремне. Почувствовала, как он стянул мои трусики до самых ступней, и отшвырнула их ногой в сторону. Не снимая с меня блузку, он прихватил в горсть волосы у меня на затылке и, глядя мне в глаза, начал проникать в меня, сильно и медленно…

– Теперь вы понимаете, почему я не хочу трахаться со своим бойфрендом? – тихо спросила Саша.

М-м-м… да. Пожалуй, я понимала.

* * *

Саша загипнотизировала меня своей душераздирающей историей. Но я не могла позволить себе нежиться вместе с ней в лучах воспоминаний. Я стряхнула жаркую волну и восстановила терапевтическую дистанцию.

Эта соблазнительная история ошарашила меня еще и по иной причине: Саша оказалась абсолютно не похожа на женщину, к встрече с которой меня подготовил Алекс. В его описании она казалась асексуальным «синим чулком». После трех лет их романа Алекс обратился ко мне, встревоженный тем, что у Саши развилось отвращение к сексу. Он хотел воскресить ее гаснущее либидо и удержать их обоих от сползания в те благодушные десексуализированные отношения, о которых все мы то и дело читаем в женских журналах.

После нескольких сеансов, которые я провела с ним лично, Алекс с нетерпением ждал возможности предложить Саше встречу со мной. У него и в мыслях не было, что она ему изменяет, – его интуиция молчала. Однако я теперь ясно видела глубокую расселину между реальностью и его восприятием. Я ругала себя за легковерие, с которым «купилась» на рассказ Алекса об их отношениях. И заодно, переживая за Алекса, досадовала на Сашу, как будто она предала и меня.

Саша стала резким напоминанием о том, что ни в коем случае нельзя позволять себе полностью втягиваться в историю пациента так, будто она представляет истину в последней инстанции.

Я стараюсь никого не осуждать, но еще до встречи с Сашей я подозревала, что у бедного Алекса нет той самой «сексуальной жилки». Он работал ученым-исследователем в фармацевтической компании. В своих практичных брюках цвета хаки, рубашках на кнопках и очочках в тонкой оправе он казался странным эльфоподобным созданием. В моем представлении его чувство защищенности опиралось на более конкретные вещи – измерения, числа, списки, организацию…

Когда Алекс пришел, чтобы поговорить со мной о Саше, он был целеустремлен, напряжен и тщетно пытался скрыть свою тревогу. Он то и дело поправлял очки и пробегал пальцами по заутюженной стрелке брюк. Ступня его так и плясала по полу, и он закинул ногу на ногу, чтобы сдержать дрожь. В то же время он смотрел на меня выжидательным взглядом, заготовив блокнот и ручку, как прилежный ученик.

Мне всегда инстинктивно хотелось встать на сторону таких пациентов, как Алекс, как-то защитить их. Это был сверхинтеллектуальный, педантичный парень, чувствующий себя в своей загадочной алхимии как рыба в воде, классический «ботаник».

Но он не был ни высокомерным, ни отчужденным – напротив, необычайно располагал к себе и жаждал понравиться. Очень может быть, что во многом другом он был весьма искушен, но по-прежнему оставался невинным и искренним во взаимоотношениях.

Алекс начал с объяснений: он обратился именно ко мне, потому что специально занимался этим вопросом и узнал, что я специализируюсь на снижении сексуального желания у женщин. Верно, подтвердила я и пояснила, что это наиболее частая причина жалоб пациенток, – и при этом, как ни странно, проблема, которую женщины не так уж часто стремятся разрешить. Хотя они охотнее, чем мужчины, обращаются к психотерапевту за помощью при депрессии или тревожности, тяжелой утрате или конфликтах в браке, когда речь заходит о либидо, женщины часто считают, что его снижение – норма.

Познакомившись с Сашей, я и вообразить не могла, чтобы эти два человека водили знакомство, не говоря уже о совместной жизни – настолько они были разными. Тем не менее они были вместе уже три года. Саше нравилось писать статьи на политические темы, ей хотелось добиться большего признания.

Она говорила, что ее привлекает стабильность Алекса и она уважает его интеллект. Его обширные знания стимулировали и вдохновляли ее. Она была амбициозной, он – приземленным. Он предпочитал структуру и рутину. Она была неугомонной.

Алекс и Саша жили вместе в квартире с одной спальней в доме из бурого песчаника на Верхнем Вестсайде. До этого она обитала в Квинсе с другими иммигрантами из Восточной Европы. Это, рассказывала она, было для нее время нестабильности, полное и сомнений в себе, и надежд.

Рядом с Алексом Саша видела себя «половинкой» типичной пары молодых интеллектуалов, официально интегрированной в нью-йоркскую культуру. У них были интересные друзья, они любили литературу, поэзию и политику, каждое утро вместе читали «Нью-Йорк Таймс» за завтраком, состоявшим из кофе и рогаликов.

Меня интересовало, насколько влечение Саши к Алексу в момент их знакомства было основано на ее потребностях.

Я полагала, что переезд Саши в Нью-Йорк отражал ее тягу к приключениям и новизне, но при этом ей также необходимо было ощущение безопасности и защищенности в остальных аспектах жизни, чтобы спокойно удовлетворять первые две потребности (хотя в той или иной степени это свойственно любому человеку).

Алекс обеспечил ей безопасность, но, успев с тех пор привыкнуть к нему, она заскучала и теперь нуждалась в более сильной стимуляции. Алекс был для нее какое-то время удобным партнером, но связь не может строиться на такой временной мотивации, если только отношения не развиваются дальше и между партнерами не обнаруживается больше точек соприкосновения.

Когда Алекс предложил мне встретиться с Сашей, он хотел провести совместный сеанс. Я попросила сперва об отдельной встрече с ней, как вообще часто делаю. Свободная обстановка, характерная для одиночных сеансов, казалась мне наилучшим способом выслушать ее версию истории. И я ее услышала! В ярких подробностях. Но теперь, блюдя этику конфиденциальности между врачом и пациентом, я была вынуждена нести бремя Сашиной тайной жизни и хранить ее тайну в отдельном чуланчике, как делала и она сама.

Глядя Алексу в глаза, я чувствовала себя сообщницей предательства.

* * *

Я снова встретилась с Сашей, желая оценить, насколько велика ее решимость сохранить их отношения, прежде чем поднять вопрос о том, не хочет ли она рассказать о своей интрижке Алексу.

– Да, я хочу остаться с ним, – кивнула она. – Но, если честно, меня не так уж сильно к нему влечет. Я хочу, чтобы у нас все получилось, потому что знаю, что нашла хорошего человека. Я могу доверять ему, и он хорошо со мной обращается. Но иногда возникает такое ощущение, что он мне скорее брат или добрый друг. Хотя, наверное, это со всеми случается, – прибавила она с уверенной и холодной покорностью – настоящий цинизм выглянул из-под ее веселого бесстыдства.

Интересно наблюдать, думала я, как люди берут себя в руки, готовясь принять некую печальную реальность жизни и надевая на свои души упряжь угрюмого смирения.

– Да, кстати, а что, если так и есть? – кинула я пробный шар. Я хотела подстроиться под Сашин пессимизм и расшевелить ее. – Что, если снижение желания – это просто естественная часть отношений?

– Господи, скучища какая! – отозвалась Саша, встряхивая волосами и закатывая глаза. – Да, я всем довольна и живу как у Христа за пазухой, но в этом нет никакого огня. А мне нужно пламя! Я не могу жить так вечно!

Вот она, великая дилемма моногамии в полный рост. Саша не хотела делать выбор между безопасностью и страстью.

Это экзистенциальное затруднение представляет собой высший вид сделки – мысль о жизни без любого из этих двух условий вызывает парализующий страх. Многие люди предпочитают отказаться от страсти – или, пытаясь реализовать собственную жизненную силу, ищут ее где-то за пределами своих основных отношений. Однако я не была уверена, что такая дилемма существует в реальности. Может быть, это ложный выбор.

* * *

Всего двумя годами раньше я писала диссертацию по этой теме – о низком либидо у женщин. Проводя обзор тематических исследований, я обнаружила, что снижение сексуального желания считается эпидемическим явлением среди женщин и, что еще более меня удивило, одной из немногих сексуальных проблем, от которых нет ни одного эффективного метода лечения.

Передо мной в то время эта проблема не стояла; в сущности, мне трудно было даже идентифицироваться с собственным предметом изучения. Меня захлестывала эйфория только-только начавшегося романа с Рами. Неизбежная гибель сексуального желания, разговоры о которой я слышала от других людей, казалась мне чем-то вроде ада для души. Я не могла согласиться с тезисом, что страсть обречена выгорать и что если я хочу долгосрочных отношений, то мне придется обменять ее на безопасность.

Но почему не существует эффективного лечения? Что это – безнадежный случай или, хуже того, естественное явление? Вот что по-настоящему задевало мое любопытство. Может быть, я смогу что-то выяснить, изучая собственный уровень желания…

Я решила начать с предпосылки о том, что существует нечто такое, что я могу сделать, чтобы поддержать желание в моих собственных отношениях; что я не

буду еще одной инертной, беспомощной жертвой противопоставления безопасности и страсти; что я позабочусь об этом, возьму на себя ответственность за поддержание движения.

Собираясь с Рами в поездку по Марокко, я взяла с собой стопку отксерокопированных журнальных статей и глав из книг, посвященных женскому сексуальному импульсу (в основном написанных мужчинами, как я заметила), и читала бо?льшую часть из них вслух, пока мы с Рами ехали в машине из Феса в Марракеш.

Мы были на пике нашей любви. Это было роскошно иррациональное ощущение. Я любила его с жаром и благоговением. Я не хотела, чтобы это закончилось.

Помню, как сидела рядом с ним в машине, просто смотрела, не отрываясь, пока он говорил со мной, на форму его губ и маленькую расщелинку между двумя передними зубами, очарованная их красотой. Мне хотелось постоянно прикасаться к нему, трогать его оливковую кожу, густые темные волосы. Я буквально вжимала ладони в его плоть, словно хотела ощутить что-то помимо нее, – и мне все равно было мало этой близости.

Я хотела влезть внутрь его разума, исследовать и оккупировать каждую его частичку. Я хотела жить во всех его воспоминаниях, украсть их и вписать в них себя. Я хотела вернуться назад во времени к тому моменту, когда он был маленьким мальчиком и жил в своей деревне, голодать с ним, спать рядом с ним в убогой хижине в лагере беженцев, которая была его домом.

В то время мы встречались еще только пять месяцев, и у меня заканчивался последний год учебы в университете. Хотя обычно я была очень сосредоточена на занятиях, в последнее время с концентрацией возникли некоторые трудности, потому что я не могла отделаться от грез о Рами. Я представляла, как накануне ночью он занимался со мной любовью, или предвкушала грядущий вечер. Когда секс настолько хорош, он может отвлечь от чего угодно.

Частота фантазий о Рами лишь усиливала мое желание, и я сознавала, что могу его контролировать. Не останавливать, нет – но оставаться в крайне возбужденном состоянии. Разумеется, к человеку, переживающему пароксизм новой влюбленности, сексуальные мысли приходят сами собой, но меня интересовало, смогу ли я вызывать их по собственной воле в любое время. Смогу

ли я и дальше заставлять себя видеть мир в сексуальном свете?

Когда я говорила Рами: «Какой ты красивый!» – он возражал: «Нет, это твои глаза видят меня красивым». Может быть, в его словах был свой резон. Восприятием можно манипулировать. Смогу ли я сама быть источником сексуального вдохновения, а не просто реагировать, когда его вызывает во мне Рами? Мужчины постоянно это делают, думала я, почему же этого не делают женщины?

Я решила отследить эту способность, превратив наши отношения в своего рода лабораторию, – и это сработало.

Но я также видела и препятствия к осуществлению этой стратегии: эмоциональный мусор и другие, обычно негативные, мысли и образы могли блокировать мой сексуализированный взгляд на отношения.

Помню, пока мы ехали, я читала статью о феномене, который исследователи окрестили «парадоксом сексуальной близости». Они выяснили, что стратегии брачной терапии, разработанные для усиления эмоциональной близости, коррелируют со спадом сексуального желания. Более того, они цитировали другие исследования, которые сообщали, что методы парной терапии, разработанные для улучшения навыков коммуникации и общего качества отношений, временами влекли за собой усугубление сексуальных проблем.

Они выяснили, что для пар, в которых установились наиболее эгалитарные, контактные и комфортные отношения, характерен наименьший накал страсти. А факторами, ответственными за усиление либидо, были расстояние, новизна, опасность и силовое неравенство.

Для долгосрочных отношений это звучало совсем неутешительно.

Я никогда не принимаю слишком всерьез ни одну публикацию или даже серию публикаций, поскольку, когда читаешь столько статей, все они в итоге сообщают о разных результатах и сводят друг друга на нет. Но я не могла не задуматься, как эта концепция применима к Саше и Алексу. Между ними были те самые комфортные, эгалитарные отношения, которые с виду должны эффективно работать, однако Саше хотелось чего-то большего. Не дух ли авантюры втянул ее в новую интрижку?

Я хотела выяснить, чего она на самом деле ищет. Каковы все возможные ингредиенты того неуловимого зелья, которое мы зовем сексуальным желанием?

– Расскажите мне о сексе с Алексом, – попросила я Сашу.

– Вначале между нами существовало влечение, но теперь оно потускнело, стало очень бледным и незначительным – вот таким, – заговорила Саша, чуточку раздвинув большой и указательный пальцы, чтобы проиллюстрировать свои слова.

Алекса она описала эпитетами «нежный и мягкий», а их занятия любовью охарактеризовала как «в основном миссионерские», но прибавила, что довольно долгое время это не вызывало у нее отторжения, потому что она чувствовала себя любимой.

– Он целовал меня долгими поцелуями, глядел в глаза, обнимал меня. Теплота Алекса позволяла мне чувствовать себя очень защищенной, и это было приятно… – Саша нахмурилась.

– Но?..

– Но со временем мне просто стало казаться, что он хочет этого больше, чем я. Мне вполне хватало бы и раза в неделю, но он хотел секса каждую ночь. Я уставала, проработав весь день, и хотела пораньше лечь спать, но ему был нужен секс.

– И что вы при этом чувствовали?

– Раздражение, если честно. Я соглашалась, только чтобы отделаться. Поначалу это было несложно, но потом стало нарастать сопротивление. А он все равно продолжал попытки, и это еще больше меня расхолаживало. Теперь я совершенно утратила к этому интерес.

– Значит, из-за того, что вы соглашались на секс, когда не хотели его, акт любви превратился в долг или обязанность.

– Я считаю, что нужно делать мужчину счастливым, если не хочешь, чтобы он тебе изменял, – отрезала она.

– Думаете, когда вы соглашаетесь на секс, которого не хотите, это действительно делает Алекса счастливым?

– Конечно! Ему и в голову ничего такого не приходит. У меня есть мои фантазии. Я устраиваю представление. Стоны, извивания, если нужно – имитация оргазма. И никому никакого вреда.

Со слов Саши все выглядело абсолютно логично. Но я распознала в этом первую стадию типичного паттерна, который ввергает пары в сексуальную опустошенность. Когда секс становится «супружеским долгом», это уже не секс, а домашняя обязанность, бытовая повинность, пункт из списка необходимых дел. В лучшем случае вы отдаляетесь друг от друга. В худшем – злитесь. Где тут задуманное природой наслаждение?!

Саша разговаривала со мной несколько снисходительным тоном. Она говорила с уверенностью, которая предполагала, что она посвящает меня в некую древнюю восточноевропейскую тайну, касающуюся мужчин. Чего Саша не осознавала, – так это того, что мужчины порой обостренно чувствуют отсутствие у женщины искренней увлеченности процессом.

На самом деле Алекс описал секс с Сашей в течение последнего года словом «бездушный». Ее поцелуи, говорил он, были небрежными и нетерпеливыми, ее прикосновение – застывшим и механическим, глаза – пустыми. Дома она позволяла себе быть неряшливой, но когда одевалась на работу, то выглядела сексуально. Несмотря на Сашины «представления», эмоциональная близость испарилась.

Алекс реагировал на это еще бо?льшим старанием угодить Саше. Однако чем сильнее он старался, тем меньше интереса она выказывала и тем более отвергнутым он себя ощущал. Он отчаянно искал хоть какие-то признаки теплоты, а ей казалось, что он эмоционально зависим. Ощущая ее отстраненную уступчивость, Алекс начал спешить во время соития, боясь, что обременяет ее, – и в результате удовлетворял ее еще меньше.

– Это все равно что заниматься сексом с манекеном, – говорил мне Алекс. – Она выглядит идеально и все делает правильно, но на самом деле она неживая.

Алекса злила утрата контакта с Сашей, но он никогда не позволял ей увидеть его внутреннюю борьбу. От этого стало бы только хуже, думал он. Но в конце концов, когда неуверенность стала для него непереносимой, Алекс пришел ко мне.

– Так, значит, Алексу от этого никакого вреда, так? – проговорила я, повторяя Сашины слова. Как же мне хотелось сказать ей, что Алекс разгадал ее притворство! Но вместо этого я обратила ее фразу против нее. – А как насчет вреда, который этот фарс наносит вам?

Саша улыбнулась и застенчиво отвела глаза, но ответа у нее не было. Меня поразило то, что, как бы она ни ставила себя перед Алексом, с каким бы знанием дела ни совершала все нужные действия в постели, какой бы естественной ни была ее красота, Саше не хватало истинной сексуальной уверенности. Она просто играла роль.

– Неужели вам не скучно притворяться перед Алексом, что вам нравится секс? – спросила я.

– С тем русским мне не скучно! – парировала она.

Я не стала спрашивать, что ей больше всего понравилось в сексе с русским. Черт, даже мне он показался сексуальным по ее рассказу!

– С кем вы чувствуете себя более сексуальной – с Алексом или с тем русским?

– С русским, конечно.

– Почему – вот что меня интересует. Почему эта разница зависит от того, с кем вы?

Саша не могла ответить, и ответ не настолько очевиден, как можно было бы подумать. На самом деле ее жаркий секс с русским только подтвердил мою оценку Саши как женщины, недостаточно уверенной в себе.

– Описывая свое приключение с русским, сознаете ли вы, что ваша роль в нем – подчиненная? И в отношениях с Алексом она тоже пассивная. Где ваша сила в этих взаимодействиях?

В сущности, я спрашивала ее: «Где ты? И чего ты хочешь?»

– У меня есть сила! – с досадой возразила Саша. – Сила заставить русского желать меня, сила удерживать внимание Алекса.

– Вы говорите о подтверждении своей ценности, а не о силе, – не согласилась я. – А как насчет того, чтобы знать, что хотите вы? Что нужно вам? Каковы ваши желания? Ваши «возбудители»?

Саша ушла в раздумья. Я сидела молча, пока она размышляла над ответом. Я надеялась, что она раскроется, а не захлопнет, защищаясь, створки своей раковины.

– Не знаю, – наконец промолвила она.

Именно это я и хотела, чтобы она осознала. Она не знала. Да, она была мастерицей в искусстве соблазнения. Она знала, что хотят мужчины (до определенного предела), но не имела представления, что хочет она сама.

Ну, на самом-то деле Саша хотела, чтобы хотели ее – вот и все, пожалуй, – и чтобы ей не пришлось для этого особенно сильно стараться.

Это скорее эмоциональная потребность и характерная черта женщины, которая со временем попадает в ловушку хронически сниженного желания. Секс, направленный только на подпитку собственного эго, приносит удовлетворение, – но лишь временно. Он не способен быть опорой. Я хотела помочь Саше задуматься о том, что может сексуально мотивировать ее – помимо и сверх самоутверждения. Но вначале ей необходимо было понять, что она не знает.

– Знание своих желаний придает силу, Саша, – сказала я, когда мы завершали сеанс. – Знание того, что вы не знаете, – неплохой старт. С этого мы и начнем в следующий раз.

Казалось, Саша раздражена или озадачена или и то, и другое сразу. И расстроена. Она не имела представления, что означает эта абстрактная концепция сексуальной мотивации. Но я знала, что она станет размышлять о нашем разговоре: у нее была сильная склонность к анализу. Однако меня беспокоило то, что ее могли ослепить мгновенное возбуждение и сексапильность этого русского.

* * *

Я не хотела бичевать девушку за то, что она наслаждается собственной красотой и сексуальным мастерством. Поверьте мне, я всей душой за умение радоваться этим аспектам женственности, и это правда, что женщины чаще хотят секса, когда чувствуют себя сексуальными и желанными. Но Сашина интрижка способствовала ее нарциссизму, а зацикленность на мужском восхищении блокировала ее умение отыскивать иные источники сексуальной мотивации.

Саша знала, что хотят мужчины, поэтому подчеркивала в своей внешности именно это – и наслаждалась их вниманием. И все же это была ложная сексуальность женщины, которая «покупается» на обобщенные мужские сценарии. В некотором смысле похоже на недобросовестную рекламу: женщина выглядит сексуально, ведет себя соблазнительно, а потом, заполучив мужчину, снова напяливает очки и ретейнер[10 - Ортодонтическая конструкция, фиксирующая зубы после лечения прикуса брекетами.] и надеется, что он не станет беспокоить ее, пока она смотрит свои любимые сериалы. Почему? Потому что притворство утомительно и в конечном итоге хочется расслабиться и быть собой.

Алекс разгадал притворство Саши – как и я. Он понимал, что чего-то не хватает, и винил в этом себя. Но он был только одной половиной уравнения. Даже с тем русским Саша не была своим истинным «я». У всех нас есть врожденное умение чувствовать неискренность. Младенцы знают, когда матери не выражают любви к ним. Мои пациенты понимают, когда мне все равно. Мужчины не всегда возбуждаются в стрип-клубах. (Правда-правда! Мужчины понимают, что это всего лишь шоу, и «заводились» бы гораздо сильнее, если бы исполнительница приватного танца действительно их хотела.)

Я постоянно задаю своим пациентам простой вопрос, на который им часто очень трудно найти ответ: «Что вы на самом деле хотите?»

Большинство не знает ответа, и это означает, что нам придется потратить немало времени на то, чтобы улучшить их контакт с самими собой. Но в конечном счете я хочу подтолкнуть своих пациентов к истинному выражению любви и вожделения: это не шоу, не представление, никаких химер.

Удивительно, насколько много людей ведут себя сексуально или притворяются сексуальными – и при этом подавляют свои естественные импульсы или вовсе с ними незнакомы.

Саша не ощущала собственный естественный эротизм, потому что была слишком подчинена эго-императиву – быть желанной. Секс может удовлетворять эмоциональные потребности и делает это. Но секс – это не только эмоции. Это еще и физиология. Я хотела помочь Саше обрести ее собственное вожделение, поскольку вожделение – это важная жизненная сила.

Саша не имела представления о своем праве получать физическое удовольствие и требовать его. Это урок, который мы, женщины, можем усвоить от мужчин. Мужчин воспитывают с прицелом на ощущение «я имею право». В противоположность общепринятому мнению мужчины, с которыми я разговаривала, радуются, когда женщины отклоняются от своих сексуальных сценариев, когда они не просто пассивны и восприимчивы. Им нужна женщина, которая знает, что хочет, и требует этого. Им нужна уверенность, что у партнерши присутствует сильное чувство собственной сексуальности и что она наслаждается, ощущая ее.

Все, что требуется от женщин, – понимать, кто они и чего хотят, и не предоставлять мужчинам делать за них всю работу и нести ответственность за их удовлетворение.

* * *

Хотя я встречалась с Сашей дважды, она не была моим официальным пациентом. Алекс же им был, и я боялась, что он столкнулся с почти неразрешимой ситуацией. Секс с Сашей стал рутиной, а потом и вовсе почти

перестал существовать. И чья в том была вина? Я вспомнила, что обычно говорила моя мама, когда я жаловалась ей, что мне скучно: «Радость моя, если тебе скучно, это значит, что ты сама скучная».

Чтобы не заскучать, нужно брать на себя ответственность за собственные развлечения. То же относится и к сексу. Над этим должны были работать оба партнера.

Но в то время как Алекс не понимал, что делать, Саша рассчитывала, что источником ее возбуждения будут мужчины, с которыми она спала. И в данном случае у бедняги Алекса не было никаких шансов против русского.

– Думаю, Саша больше меня не любит, – однажды сказал Алекс.

Что-то изменилось со времени наших первых сеансов, когда он чувствовал себя в достаточной безопасности в этих отношениях, чтобы предложить мне встретиться с ней. Теперь он стоял на обрыве, глядя в пропасть поражения, в ужасе от того, что теряет Сашу. У меня болела за него душа.

– Мы по-прежнему добрые друзья и нежно относимся друг к другу, но страсти нет. Раньше, ложась в постель, она надевала красивое белье, теперь это футболка и шорты. Она ничего не делает, чтобы показать свой интерес, она больше ничего не делает, чтобы соблазнить меня. Она…

Я перебила его:

– А что делаете вы, чтобы соблазнить ее? – и пересказала ему присловье моей мамы насчет скуки.

– Ну, я пытаюсь доводить ее до оргазма. Я спрашиваю, что я могу сделать для нее, но она не отвечает. На самом деле каждый раз выходит одно и то же. Я целую ее, касаюсь ее грудей, ласкаю ее клитор, пока она не получит оргазм, а потом мы занимаемся сексом.

Алекс признался, что накупил немало книг о том, как доставить женщине сексуальное наслаждение, но никак не может понять, почему так получается: чем активнее он старается применить эти приемы, тем менее заинтересована

Саша.

Меня внутренне передернуло от этого беспомощного подхода. Нет никаких сомнений, что большинству женщин в тот или иной момент приходится терпеть медленную пытку монотонного секса!

– Я так понимаю, что вы действительно хотите доставлять ей удовольствие.

– Да, очень хочу.

– И вы полагаете, что доставлять ей удовольствие – значит доводить ее до оргазма? – Я надеялась, что он уловил мой мягкий сарказм.

– Она должна быть довольна тем, что я забочусь о ней. Разве не так?

– Хороший секс – это не только оргазм.

В глазах Алекса появился проблеск понимания, но он пока не улавливал, к чему я веду.

– У вас слишком целевой подход, – продолжала я. – Я хочу, чтобы вы отбросили все свои энциклопедические знания о женской анатомии и сексуальных техниках. Хороший секс – это не алгоритм!

Алекс смущенно хихикнул.

– Это процесс! Танец вокруг секса, церемония, динамика между вами двумя, которая делает секс волнующим действом.

Я сняла с полки тоненький томик стихов.

– У меня есть для вас новый учебник, – сказала я, протягивая ему книгу. – Поскольку вы любите поэзию, возьмите вот это. Пабло Неруда, «Капитанские вирши».

Это была одна из самых возбуждающих книг, какие я когда-либо читала. Я не сказала об этом Алексу, потому что надеялась, что он обнаружит это сам. И, пожалуй, ему было что почерпнуть у Неруды. Чилийский поэт и политический деятель, Неруда любил властно, нес свою уязвимость с гордостью, как отмеченный наградами солдат носит свои медали, и говорил о своем сексуальном желании в бессовестно плотоядной манере. Неруда бежал из Чили, когда там начали убивать коммунистов, и писал свои стихи, живя в изгнании на острове Капри. Они были вдохновлены его женой Матильдой. Именно так: животное и безжалостное желание, но не к любовнице или незнакомке, а к собственной жене. Мне казалось, этот мужчина кое-что смыслил в жизни.

Алекс взял книгу, бросил взгляд на обложку и сунул ее в сумку.

– Давайте рассмотрим ваш процесс в том виде, в каком он есть сейчас, – сказала я. – Я пытаюсь понять, не кажутся ли ваши старания доставить Саше удовольствие угодничеством и попыткой подольститься, а не проявлением сексуального мастерства.

Я постоянно сталкиваюсь с этим в работе с моими клиентами-мужчинами: они овладевают определенными навыками, но им не хватает нахальства – самообладания и храбрости – применить их на практике.

– Да, – признал Алекс после паузы. – Наверное, это не самые сексуальные действия на свете.

– Как вы соблазняете ее за пределами спальни?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/brendi-engler/muzhchiny-na-moey-kushetke/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

In vivo (лат. «в живом организме») – вживую. – Здесь и далее прим. перев.

2

Проекция – один из механизмов психологической защиты, при котором человек приписывает кому-то свои собственные мысли, чувства или мотивы, полагая, что он воспринял что-то, приходящее извне, а не изнутри самого себя.

3

Известная книга о соблазнении и пикапе. Автор – Нил Стросс.

4

Настольная ролевая игра в стиле фэнтези.

5

Поллианна – героиня одноименной книги (1913 г.) культовой американской писательницы Элеонор Портер. Принцип Поллианны – психологический феномен, при котором человек склонен воспринимать любые сообщения как положительные.

6

Частный инвестиционный фонд, недоступный широкому кругу лиц.

7

Реверсия – психологическая защита, выражающаяся в проигрывании жизненного сценария с переменой в нем мест субъекта и объекта.

8

Мексиканская народная игра, разбивание пустотелой фигурки (пиньяты), наполненной сладостями.

9

Героиня Одри Хэпберн из культового голливудского фильма «Завтрак у Тиффани».

10

Ортодонтическая конструкция, фиксирующая зубы после лечения прикуса брекетами.

Купить: https://tellnovel.com/brendi-engler/muzhchiny-na-moey-kushetke-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити